МАТРОСКІЕ ДОСУГИ.

—

сочиненіе

В. И. Даля.

—

ИЗДАНО
ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ,
Морскимъ Ученымъ Комитетомъ.

(*Изданіе второе*).

ЧАСТЬ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Морскаго Министерства.
1859.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

—

Стран.

НОВЫЙ АДМИРАЛЪ.

Государь Петръ Великій, который прошелъ самъ почти всѣ службы съ низшихъ чиновъ, и прошелъ не словомъ однимъ, а дѣломъ—Петръ I, послѣ славной Полтавской битвы, въ которой уничтожилъ навсегда непримиримаго врага своего, Шведскаго Короля Карла XII, роздалъ всѣмъ соучастникамъ въ знаменитомъ сраженіи этомъ большія награды: даже всѣ рядовые солдаты получили по медали и годовое жалованье не взачетъ.

Когда собрались къ Царю всѣ главные Начальники и Генералы, благодарить за оказанныя имъ милости, то они усердно стали просить Его, принять чинъ полнаго Генерала, который не только заслужилъ Онъ какъ началь-

ствовавшій войсками въ семъ сраженіи, но даже и личною своею храбростію, потому что на Немъ прострѣлена была шляпа, а подъ Нимъ сѣдло.

Царь выслушалъ ихъ милостиво и сказалъ: «Черезъ чинъ не производятъ; радъ принять чинъ Генералъ-Лейтенанта, а болѣе не могу.»

Когда вѣсть обо всемъ этомъ дошла въ Столицу, то Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ съ флагманами поднесли Царю чинъ третьяго флагмана или Адмирала, Царь отвѣчалъ ему письмомъ.

«Ваше Превосходительство объявили намъ милость нашихъ командировъ, а мнѣ чинъ третьяго флагмана, котораго я еще въ морской службѣ не заслужилъ; однако на радостяхъ принимаю и молю Бога, чтобы даровалъ мнѣ и этотъ чинъ также заслужить, какъ сталось нынѣ насухомъ пути, а васъ, Господина Адмирала, за такое предстательство благодарствуя, вручаю исправленіе новаго званія моего вашему наставительному управленію.»

Въ тоже время Царь своеручно писалъ извѣстіе о побѣдѣ Полтавской и о производствѣ своемъ воеводѣ Колычеву, въ Воронежъ, гдѣ тогда строились военныя суда, и наказывалъ объявить объ этомъ *товарищамъ* своимъ, то есть

корабельнымъ мастерамъ, чтобы и они веселились.

БРИГЪ МЕРКУРІЙ.

Въ Турецкую войну 1829 года флотъ нашъ стоялъ у Турецкаго города Сизополя, на сѣверъ отъ Босфора (Цареградскаго Пролива), выжидая выхода Турецкаго флота, который по временамъ только носъ выказывалъ изъ Босфора и тотчасъ опять уходилъ назадъ. Для подстереженія его, и чтобы тотчасъ дать о томъ знать флоту, послано было, по направленію къ проливу, нѣсколько легкихъ судовъ, съ тѣмъ, чтобы они, при выходѣ Турокъ, дали о томъ знать Адмиралу сигналами, передавая ихъ другъ другу.

Съ разсвѣтомъ 15-го Мая въ виду флота показался фрегатъ Штандартъ; въ 9 часовъ увѣдомилъ онъ сигналомъ, что непріятель вышелъ въ море; а какъ въ это время заштилѣло, то съ фрегата отправленъ былъ офицеръ на гребномъ суднѣ, который донесъ: Утромъ накануне три опознательныя судна наши подошли на 13 миль къ проливу и встрѣтили Турецкій флотъ, въ числѣ 18-ти вымпеловъ; завидя крейсеровъ,

онъ пустился за ними въ погоню и два кораб-ля его, какъ видно лучшіе ходоки, стали примѣтно сближаться съ нами. Старшій, командиръ фрегата, сдѣлалъ сигналъ: «всякому взять тотъ курсъ, при которомъ у него лучшій ходъ;» но бригъ Меркурій, отставъ отъ прочихъ, былъ настигнутъ кораблями, кои открыли по немъ огонь. Около пяти часовъ вечера, пальба прекратилась. Флотъ нашъ въ возможной скорости снялся съ якоря и пошелъ къ Босфору. Къ 5 часамъ вечера бригъ Меркурій встрѣтилъ флотъ и вскорѣ къ нему примкнулъ.

Наружній видъ брига показывалъ, какую битву онъ выдержалъ: корпусъ, рангоутъ, такелажъ, паруса, — все было избито ядрами. Командиръ, Капитанъ-Лейтенантъ Казарскій, такимъ образомъ донесъ о подвигѣ своемъ:

Когда Турецкій флотъ пустился въ погоню за нашими двумя бригами и фрегатомъ, а отъ этого приказано было сигналомъ: «каждому бѣжать, какъ выгоднѣе,» то Меркурій легъ въ полвѣтра, почти прямо прочь отъ непріятеля. Но два Турецкіе корабля, 110-ти пушечный, подъ флагомъ Капудана-Паши, и 74-хъ пушечный, подъ адмиральскимъ флагомъ, примѣтно настигали бригъ и къ двумъ часамъ пополудни были отъ него не далѣе полутора пушеч-

ныхъ выстрѣловъ. Въ это время вѣтеръ стихъ и ходъ кораблей уменьшился; бригъ выкинулъ весла, въ надеждѣ удержаться до ночи внѣ выстрѣла; но черезъ полчаса вѣтеръ опять посвѣжѣлъ, корабли стали приближаться и открыли пальбу изъ погонныхъ пушекъ.

Видя что некуда дѣваться, и что нѣтъ надежды уйти отъ непосильнаго боя, Казарскій собралъ военный совѣтъ изъ всѣхъ наличныхъ офицеровъ; штурманъ, поручикъ Прокофьевъ, какъ младшій, долженъ былъ первый подать голосъ и сказалъ: «такъ какъ уйти нельзя, разбить непріятеля нельзя, то само собой разумѣется, что должно драться до послѣдней возможности, а наконецъ привалиться къ непріятельскому кораблю и взорваться съ нимъ вмѣстѣ на воздухъ.»

Это мнѣніе принято было всѣми въ одинъ голосъ, и потому положено: драться, покуда не будетъ сбитъ весь рангоутъ, или не откроется сильная течь, и покуда есть кому служить у пушекъ; а затѣмъ свалиться съ непріятелемъ и подорваться. Кто изъ офицеровъ останется въ живыхъ, тотъ долженъ былъ зажечь крютъ-камеру; для этого положенъ былъ на шпиль заряженный пистолетъ.

Если разсудить, что на бригѣ было всего 18 пушекъ малаго калибра, а непріятель напиралъ съ 184-мя пушками большаго калибра— то подумаешь, что слышишь сказку; но быль наша еще не кончена, а что ни дальше, то будетъ лучше.

Казарскій объявилъ коротко командѣ, чего ожидаетъ отъ нихъ Царь и чего требуетъ честь Русскаго флага—и команда вся отвѣчала: рады славному бою, рады честной смерти!

Увѣрившись такимъ образомъ во всѣхъ подчиненныхъ своихъ, Казарскій сказалъ: теперь намъ ничего не страшно, а мы непріятелю страшны. Шабашъ! Убирай весла; обрубить стропы и тали и сбросить въ море яликъ съ кормы, чтобы не мѣшалъ пальбѣ изъ уходныхъ портовъ! Люди по пушкамъ!

Стопушечный корабль сталъ спускаться на бригъ, чтобы дать по немъ продольный залпъ: Меркурій также приспустился и недалъ кормы своей въ обиду. Съ полчаса еще онъ кой-какъ увертывался, такъ что корабли стрѣляли по немъ только изъ погонныхъ орудій—но затѣмъ оба корабля настигли его, разошлись нѣсколько и поставили его въ два огня. Каждый изъ кораблей далъ по два залпа, а затѣмъ съ корабля Капудана-Паши, подошедшаго очень

близко, закричали по русски: «Сдавайся и убирай паруса!» Меркурій отвѣчалъ на это залпомъ всей артиллеріи своей, всѣхъ осьмнадцати пушекъ, громкимъ ура и дружнымъ ружейнымъ огнемъ.

Тогда оба корабля сдались немного къ кормѣ брига и открыли по немъ жестокій огонь ядрами, книпелями и брандскугелями. Отъ послѣднихъ бригъ было загорѣлся, но пожаръ вскорѣ потушили. Бригъ во все время отстрѣливался такъ, будто нашелъ непріятеля по силамъ, стараясь только уклоняться отъ продольныхъ выстрѣловъ.

Время шло, команда на Меркуріѣ увидѣла, что подъ Турецкими ядрами еще пожить можно; много было перебито, да не столько, какъ бы слѣдовало ожидать: одинъ путный залпъ со стопушечнаго корабля долженъ бы пустить бригъ ко дну. Меркурій приободрился, а какое-то счастливое, или роковое ядро его, перебило ватеръ-штаги стопушечнаго корабля; а другое, какъ можно было замѣтить, повредило гротовый рангоутъ. Турокъ закрѣпилъ бомъ-брамсели, привелъ къ вѣтру и легъ въ дрейфъ; и на прощанье послалъ бригу послѣдній залпъ всѣмъ лагомъ.

Такимъ образомъ Меркурій избавился одного непріятеля, но другой сидѣлъ у него чуть не на боканцахъ. Перемѣняя галсы подъ кормой брига, корабль билъ его беспощадно въ корму, чего уже никакъ нельзя было избѣгнуть. Меркурій продолжалъ свое — въ полѣ да въ морѣ вѣруютъ въ Ветхій Завѣтъ: око за око и зубъ за зубъ; и опять нашлось роковое ядро, которое перебило у Турки форъ-марса-рей. Перебитый нокъ напоромъ паруса переломило вовсе, и онъ полетѣлъ въ низъ, вмѣстѣ съ лиселями!

Въ $5\frac{1}{2}$ часовъ и этотъ корабль, вынужденный убрать часть парусовъ, а можетъ быть опасаясь также чтобы не напороться одному на засаду въ чистомъ морѣ — привелъ и легъ въ дрейфъ.

Три часа длилось сраженіе это, въ которомъ, конечно, никто изъ нашихъ нечаялъ спасенія. На бригѣ всего было: убитыхъ 4, раненыхъ 6, пробоинъ: въ корпусѣ 22, въ рангоутѣ 16, въ такелажѣ 148, въ парусахъ 133; сверхъ того разбиты гребныя суда и подбита одна каронада.

Объ этомъ дѣлѣ писалъ одинъ изъ штурмановъ Турецкаго адмиральскаго корабля письмо, изъ котораго мы выписываемъ слѣдующее:

«Во вторникъ со свѣтомъ мы примѣтили три Русскихъ судна: фрегатъ и два брига; мы погнались за ними, но могли догнать одинъ только бригъ, въ 3 часа по полудни. Корабль Капудана-Паши и нашъ открыли сильный огонь. Дѣло неслыханное и невѣроятное; мы не могли его заставить сдаться! Онъ дрался, отступая и увертываясь, съ такимъ искусствомъ, что — стыдно сказать — мы прекратили сраженіе и онъ со славою продолжалъ свой путь. Онъ вѣрно потерялъ половину своей команды, потому что былъ одно время отъ насъ не далѣе пистолетнаго выстрѣла; но Капуданъ-Паша прекратилъ сраженіе еще часомъ ранѣе насъ и сигналомъ приказалъ намъ сдѣлать тоже. Бывшій на кораблѣ нашемъ Русскій плѣнникъ сказалъ намъ, что капитанъ этого брига никогда не сдастся, а скорѣе взорвется на воздухъ. Коли въ древнія и новыя времена были подвиги храбрости, то конечно этотъ случай долженъ затмить всѣ: имя героя достойно быть написано золотомъ на храмѣ славы: это Капитанъ-Лейтенантъ Александръ Ивановичъ Казарскій, а бригъ Меркурій».

Пусть же такое свидѣтельство самаго непріятеля передастъ потомству достойную славу Казарскаго и всѣхъ его сподвижниковъ; а прахъ

его да почіетъ съ миромъ, а безсмертная душа да ликуетъ на небесахъ. Нынѣ уже его нѣтъ въ живыхъ.

Государь произвелъ Казарскаго въ Капитаны 2 ранга, назначилъ его своимъ флигель-адъютантомъ, далъ ему, за храбрость, Георгія 4 кл.; Лейтенантамъ брига Меркуріи, Скорятину и Новосильскому, Мичману Притупову, Поручику Прокофьеву, пожаловалъ по чину, да по кресту, первымъ тремъ Владиміра 4 ст. съ бантомъ, а послѣднему, какъ тому, кто первый подалъ голосъ въ совѣтѣ чтобы взорваться на воздухъ, Георгія 4 кл.; всѣмъ нижнимъ чинамъ брига, до послѣдняго, знакъ Военнаго Ордена; всѣмъ чинамъ, какъ офицерамъ, такъ и низшимъ: двойной окладъ жалованья въ пожизненный пенсіонъ; бригу Меркуріи далъ Георгіевскій флагъ, и наконецъ, чтобы увѣковѣчить память геройскаго подвига въ родѣ всѣхъ бывшихъ на бригѣ офицеровъ, Государь повелѣлъ каждому изъ нихъ принять въ родовой дворянскій гербъ свой *пистолетъ*, которымъ они рѣшились взорвать на воздухъ бригъ, въ случаѣ послѣдней крайности.

Кромѣ того Государь, жалуя 32 флотскаго экипажа Георгіевское знамя, соизволилъ повелѣть, чтобы при экипажѣ этомъ отставался

на вѣчныя времена бригъ Меркурій; а потому, коль скоро онъ придетъ въ ветхость, то строить по тому же чертежу другой и переносить на него флагъ, «дабы память знаменитыхъ заслугъ,» сказано въ указѣ «переходя изъ рода въ родъ на вѣчныя времена, служила примѣромъ потомству».

Александръ Ивановичъ Казарскій скончался въ 1833 году, 36 лѣтъ отроду, въ Николаевѣ. Офицеры Черноморскаго флота поставили ему памятникъ въ Севастополѣ, на мысѣ, при самомъ входѣ въ портъ.

НА САНЯХЪ ВЪ МОРѢ.

1839-го года, въ Февралѣ, Уральскаго войска отставной казакъ Дервяновъ, съ малолѣткомъ Джандинымъ и работникомъ, изъ Киргизовъ, Тюбстомъ, выѣхали на трехъ саняхъ на ахапное рыболовство. Для этого выѣзжаютъ по льду на взморье (Каспійское), ставятъ на шестахъ сѣти и выбирая ихъ опять чрезъ ночь, берутъ попавшуюся въ нихъ красную рыбу. Но промыселъ этотъ опасенъ: если моряной взломаетъ ледъ, подыметъ, да потомъ заду-

етъ береговой вѣтеръ, то рыбаковъ уноситъ въ море. Тоже случилось и съ Дервяновымъ. Время промысла давно кончилось, всѣ рыбаки воротились домой, а Дервяновъ съ товарищами пропалъ. Настала весна—и вдрухъ Астраханскій мѣщанинъ Овчинниковъ представилъ въ Судъ Дервянова съ Тюбстомъ, которыхъ взялъ въ открытымъ морѣ съ сапей. Вотъ показаніе Дервянова:

Зовутъ меня Потапомъ, Никитинъ сынъ, Дервяновъ; отроду мнѣ 66 лѣтъ, вѣры Православной, войска Уральскаго отставной казакъ, грамотѣ не знаю, проживаю въ Гурьевѣ.

Выѣхали мы на аханное рыболовство самътретей въ началѣ Февраля и по худому залову стали подыматься далѣе въ море, и стали на трехъ саженяхъ. Проспавъ ночью моряну, мы по утру только увидали, что насъ понесло; однако вскорѣ опять сомкнуло ледъ и мы поѣхали верхами собирать ахапы. Ихъ-то мы не нашли, а подъѣхавъ къ маннѣ, увидѣли, что насъ опять несетъ въ море. Мы бросились скакать въ ту и другую сторону по льду, думали даже кинуться вплавь, но насъ уже далеко отнесло.

Такимъ образомъ носило насъ 17 дней, хлѣбъ сталъ приходить къ концу; морозы усилились,

ледъ началъ цѣпляться и связываться и мы добрались по льдинамъ опять на трехсаженную глубину, то есть верстъ на 30 отъ берега; но насъ унесло далеко на западъ, къ Астрахани. Тутъ на бѣду стала оттепель; ледъ начиналъ рушится, обивался волненіемъ и крошился. Мы доѣдали одну лошадь, остальныя двѣ были чуть живы: кормъ давно вышелъ.

Въ одно утро увидѣли мы въ далекѣ между льдовъ кусовую лодку (рыболовную) и обрадовались словно воскресли: стали подымать одежду свою на оглобляхъ и махать; два Калмыка подъѣхали къ намъ на бударкѣ (лодочкѣ) сказались тюленьщиками, которыхъ также безъ хлѣба носитъ четвертую недѣлю во льдахъ; они чаяли помощи отъ насъ и сколько мы ни просили ихъ взять насъ, не соглашались и держались отъ насъ на веслахъ поодаль. Джандинъ бросился въ воду, нагналъ ихъ вплавъ и насильно влѣзъ въ лодку; испугавшись чтобы и мы не сдѣлали тоже, Калмыки ударили въ весла и ушли отъ насъ.

Мы самдругъ остались опять на икринѣ всего саженъ въ 25, и часъ отъ часу она все болѣе крошилась и изникала, отъ тепла и волненія. Видя гибель свою, мы зарѣзали обоихъ остальныхъ лошадей, сняли съ нихъ кожу дуд-

кой, не распарывая брюха, зашили ихъ на крѣпко, завязали и надули; эти два бурдюка, подвели мы подъ одни сани и привязавъ къ полозьямъ спустили на-воду; да помолившись каждый по своему Богу, забрали топоръ, веревки, конину на пищу, да притесавъ изъ оглобель весла, простились со льдиной и пустились въ путь.

Мы сидѣли по колѣни въ водѣ, но сани съ бурдюками насъ хорошо держали и заложивъ весла за копылья мы стали гресть на сѣверъ, къ берегамъ. Пять дней и пять ночей бились мы и не разъ выбивались изъ силъ: тогда насъ опять мыкало вѣтромъ и уносило далѣе въ море. На шестые сутки увидѣли кусовую: собравшись съ послѣдними силами, мы стали грести къ ней и около полудни благополучно пристали и были приняты Астраханскимъ мѣщаниномъ Овчинниковымъ, который объ эту пору уже вышелъ въ море на весенее рыболовство.

Всего въ относѣ таскало насъ болѣе пяти недѣль; когда мы спустились на сани, то ледъ былъ уже такъ рыхлъ, что ноги проступали насквозь. На другіе сутки послѣ того уже весь ледъ измололо и вокругъ насъ не видно было ни льдинки.

Джандина Калмыки также привезли благополучно въ Астрахань; и старикъ Дервяновъ, оправившись отъ ломоты, которою было заболѣлъ, просидѣвъ шестеры сутки по колѣни въ водѣ, много еще переловилъ рыбы на Каспійскомъ морѣ.

КРУШЕНІЕ АНГЛІЙСКАГО ФРЕГАТА ФЕНИКСЪ.

Въ Западной Индіи—островà противу средины Америки—есть два большихъ острова: Куба и Ямайка; первый былъ въ тѣ поры въ рукахъ Испанцевъ, а второй у Англичанъ. Англичане были съ Испанцами въ войнѣ. Англійскій фрегатъ Фениксъ, кончивъ крейсерство свое, направилъ путь въ Ямайку.

Съ полуночи—говоритъ лейтенантъ—я стоялъ на вахтѣ. Съ боку раздалось: «Бурунъ передъ носомъ!» Взглянулъ—берегъ на подвѣтренный крамболъ. «По мѣстамъ! Лѣво на бортъ! Кливеръ долой!» Фрегатъ благополучно поворотилъ. «На русленяхъ! Бросай лотъ и сказывай!»

Двадцать-одинъ! «Держи полнѣе!» Двадцать. Темно, не видать ни зги; но такъ какъ мы

попали было на берегъ при курсѣ SSO, то капитанъ приказалъ привести тотчасъ на NNW. и лотовой началъ покрикивать: Двадцать-пять! Двадцать-восемь! Пять саженъ! «Хорошо, бросай чаще!» Восемь саженъ. «Хорошо, брось еще разъ, да и полно! Пять саженъ! — «Это что значитъ? Людей на верхъ! Готовить якоря! Очищай канаты! Бросай чаще лотъ!»

Якоря готовы-съ. «Хорошо, стоять на пертуленяхъ и на рустовахъ! Чтобы обѣ бухты были чисты!» Девять сажень — лотъ проноситъ!—«Обнести дипъ-лотъ! Готово ли?» Готово! «Бросай! Сто сажень пронесло! «Хорошо, убирай все по мѣстамъ; подвахтенные на низъ! Ну, слава Богу, все кончилось—а были на волосъ отъ гибели: со-ста сажень на-пять, съ девяти на-сто! Это опасныя каменья».

Все успокоилось; къ свѣту мы опять направили путь къ Ямайкѣ; полагали что ушли отъ всѣхъ бѣдъ — но ночью нашелъ вдругъ страшный шквалъ, положившій фрегатъ набокъ, и во всю ночь продолжались жестокіе порывы шкваловъ. Гротъ-мачта дала трещину. Мы были миляхъ въ трехъ-стахъ подъ вѣтромъ у Ямайки, а на Кубу, занятый непріятелемъ, намъ нельзя было спуститься. Команду посадили на половинную порцію.

Но и эта бѣда миновалась: дней въ 12 вылавировали мы благополучно и вошли въ Мантего, на Ямайкѣ. Здѣсь застали мы еще нѣсколько своихъ военныхъ судовъ,—вычинились, запаслись чѣмъ нужно было, и на придачу повеселились. Черезъ нѣсколько дней мы опять вышли, и первая ночь на морѣ послала намъ новое бѣдствіе.

Грозныя тучи стояли на востокѣ, вѣтръ завывалъ; что-то не доброе готовилось. Закрѣпили марсели. Къ полудню буря свирѣпѣла; въ третьемъ часу еще болѣе; въ четвертомъ была ужасна. Закрѣпили нижніе паруса и оставили фрегатъ подъ однимъ бизань-стакселемъ, Къ ночи показались всѣ признаки урагана; мы закрѣпили паруса запасными обносными сезнями, на нижнія реи наложили штормъ-тали; укрѣпили всѣ гребныя суда и пушки, наложили на орудія двойныя брюки; спустили вовсе брамъ-стеньги и лисель-спирты, убрали на ростры утлегерь и блиндарей; изготовили брезенты на люки, съ планками и гвоздями.

Птицы съ разныхъ сторонъ налетали и падали на фрегатъ. Изподъ вѣтра онѣ попадали къ намъ только лавировкой, не смогая управить прямо противъ бури.

Въ 8 часовъ вечера дошелъ до насъ первый

порывъ урагана. Вой и свистъ бури по вооруженію, ревъ водяныхъ горъ и хлябей, скрыпъ и трескъ всего фрегата, оглушали насъ. Къ талрепамъ и мачтамъ приставлены были плотники съ топорами, на случай внезапной перемѣны урагана, съ подвѣтра.

Я пошелъ на низъ, поужинать. Комисаръ очень хлопоталъ, опасаясь что у него сухари подмокнутъ. Два армейца, ничего не понимая и не смѣя никого спросить о томъ, что дѣлается, сидѣли, блѣдные какъ смерть и поглядывали другъ на друга и на сосѣдей своихъ. Штурманъ пилъ и курилъ спокойно; второй лейтенантъ былъ на вахтѣ, третій спалъ, готовясь на службу. Я самъ хотѣлъ уснуть, но нашелъ койку свою залитою; пазы въ палубѣ отъ качки раздались и вода отъ всплесковъ, бѣжала какъ въ рѣшето.

Капитанъ позвалъ меня на верхъ. Я не помню такого урагана, сказалъ онъ; но фрегатъ довольно хорошо держится на этомъ галсѣ, противъ волненія; каково-то будетъ, когда поворотимъ? А поворотить надо; вѣтръ отошелъ и насъ прямо несетъ на Кубу! Сходи на бакъ, продолжалъ капитанъ, да прикажи при себѣ отдать хоть половину фока, да натянуть шкотъ; когда фрегатъ придетъ на фордевиндъ, то мы

тотчасъ уберемъ парусъ. — Фокъ изорветъ въ лахмотья, капитанъ, сказалъ я, и шкота осадить не успѣемъ: позвольте попробовать поворотить по вѣтру, поставивъ людей, вмѣсто паруса, на фокъ-ванты. Капитанъ согласился и мы счасливо поворотили.

Но на другомъ галсѣ было менѣе покойно: фрегатъ лежалъ поперегъ волненія и его такъ кидало, что мы боялись за мачты. Бизань-стаксель изорвало въ мохры; даже — кто не видалъ этого, не повѣритъ — даже отъ другихъ парусовъ, закрепленныхъ и завязанныхъ сезнями, вырывало клочья!

Не смотря на всѣ осторожности наши, вода лилась въ палубу, черезъ расшатавшіяся пазы, и мы должны были прорубить нижнюю палубу, чтобы спустить воду въ трюмъ. Въ это время я увидалъ, что вода также пробивается бортами и струится по нимъ; вызвали къ помпамъ другую вахту. Въ констапельской течь! закричалъ помощникъ тимермана. «Молчать, дуракъ, чего ты орешь? Развѣ не знаешь, что объ этомъ надо въ полголоса доложить вахтенному лейтенанту, а не караулъ кричать?— Оказалось, что въ констапельской не было течи, а что вода пробивалась между обшивкой въ палубу.

Ночь, тьма, громъ и молнія, ревъ урагана—глядя на бѣдный фрегатъ, нельзя было полагать, чтобы его стало на долго. Капитанъ стоялъ привязавъ себя концемъ у навѣтреннаго борта; вышедъ на вахту я сдѣлалъ съ собой тоже: слишкомъ опасно было полагаться на однѣ ноги и руки.

Спустить было нижнія реи — сказалъ капитанъ — да нѣтъ возможности послать туда ни одного человѣка: не пришлось бы рубить мачтъ. Течь прибывала; помпы часто портились; ужасный валъ залилъ всѣ шканцы и разбилъ катеръ на рострахъ въ щебки; фрегатъ легъ на бокъ... «Срубить гротъ-мачту!» Я вскочилъ на навѣтренные руслени, къ талрепамъ, боцманъ за мною, матросы съ топорами къ мачтѣ, — но въ это время огромный валъ весь вкатился на фрегатъ, переломалъ и снесъ все, надломилъ гротъ-и бизань-мачты и залилъ палубу. Фрегатъ сталъ прямо, но готовъ былъ итти кодну: онъ отяжелѣлъ, началъ садится и волна за волной горою ходила черезъ него. Мы едва успѣвали переводить духъ, между тѣмъ какъ одна волна скатывалась, а другая набѣгала. Всякъ прочелъ короткую молитву и предалъ себя волѣ Создателя. Спасенія не было.

Фрегатъ на мели! Закричалъ я, послышавъ, между ударами волнъ, что его колотитъ объ дно морское. Никто не смѣлъ вѣрить радостной вѣсти этой, но скоро всѣ повѣрили: удары стали сильнѣе и сильнѣе.

Корма стояла на мели, а носъ поворотился къ вѣтру: намъ удалось наконецъ срубить фокъ-мачту, чтобы она не заворотила носу и не поставила фрагата лагомъ къ волненію. Нѣсколькихъ человѣкъ залило водой въ низу, другихъ снесло сверху за бортъ, пятерыхъ убило мачтой; прочіе здравствовали, готовясь каждую секунду на смерть, но думая о спасеніи. Смерти не бойся, а живота ищи.

Заря занялась — фрегатъ стоялъ на каменьяхъ — по одну сторону огромный утесъ, по другую волны горами. При каждомъ ударѣ ожидали мы, что онъ разсыплется; а подъ скалой страшный прибой. Палубы провалились, но корпусъ еще держался. Если бы насъ волненіемъ не перекинуло черезъ рифы и не принесло къ самому берегу, то не спасся бы ни одинъ человѣкъ. Благодаря Бога фрегатъ сталъ плотно между каменьевъ и его болѣе не колотило.

Оставалось думать только о своемъ спасеніи. Послушная команда ожидала приказаній: не было ни крику, ни шума, ни суеты; всѣ молча

смотрѣли на капитана. Вызвали охотниковъ, изъ которыхъ двое благополучно доплыли съ линемъ до берега — другихъ забило и утопило въ бурунѣ — линемъ этимъ передали пару кабельтовыхъ и закрѣпили ихъ на берегу, за каменья. По кабельтову вся команда, а затѣмъ и офицеры въ порядкѣ перебрались на берегъ; я и капитанъ перешли послѣдними.

Грустно сидѣли мы по нагимъ каменьямъ берега, подъ крутымъ навѣсомъ скалъ, и смотрѣли на остатки несчастнаго Феникса. Къ полудню ураганъ кончился; мы стали, что можно, спасать и перетаскивать съ фрегата; а между тѣмъ въ береговыхъ ямахъ, по каменьямъ, наловили много рыбы и сварили уху; ночь проспали спокойно.

Затѣмъ командиръ собралъ военный совѣтъ: насъ разбило на непріятельскомъ берегу, на островѣ Кубѣ; но до перваго жилья было нѣсколько сотъ верстъ; можно было надѣяться, что Испанцы не тотчасъ узнаютъ объ насъ, а потому и рѣшено было: исправить сколько можно, катеръ, и на немъ отправиться мнѣ съ охотниками на островъ Ямайку, за помощію. На другой же день былъ я уже на пути, съ четырмя молодцами и запасомъ харчей и воды

на двѣ недѣли. Весь экипажъ проводилъ насъ крикомъ ура.

Вѣтеръ былъ попутный, и хотя мы во все время отливались ведрами, но не съ большимъ въ сутки прибыли на Ямайку, въ заливъ Монтего. Здѣсь ураганъ также надѣлалъ страшное опустошеніе; но по близости я добылъ три малыхъ судна и на четвертыя сутки бросилъ якорь у Кубы, противу бѣдствующихъ. На берегу меня подхватили и качая на рукахъ принесли къ капитану.

Всѣ мы на судахъ этихъ благополучно прибыли къ своимъ, на Ямайку, и такимъ образомъ избѣжали потопа и плѣна. Слава и благодареніе Богу.

БЕЗЧИНСТВО.

Когда въ 1705 году замокъ Митавскій, въ Курляндіи, вынужденъ былъ сдаться, съ болѣе чѣмъ тремя сотнями орудій, то при смѣнѣ здавшагося Шведскаго караула, наши увидѣли, что тѣла погребенныя въ замковомъ склепѣ были растасканы и ограблены. Испугавшись такого неслыханнаго безчинства, коман-

довавшій офицеръ пріостановился смѣной, послалъ за Шведскимъ комендантомъ Кнорингомъ и не прежде смѣнилъ караулы ихъ, какъ получивъ росписку, что это сдѣлали не наши, а сами Шведы. Похвальная и необходимая предосторожность, безъ которой вѣроятно свалили бы вину на побѣдителей.

СЕРЖАНТЪ ЩЕПОТЬЕВЪ СЪ ТОВАРИЩАМИ.

Приступивъ къ Выборгу, въ 1706 году, Петръ Великій узналъ, что шкерами пробираются въ море нѣсколько непріятельскихъ купецкихъ судовъ. Царь выслалъ тотчасъ за ними 12-го Октября пять лодокъ съ 48 рядовыми подъ командой Преображенскаго полка сержанта Щепотьева, бомбандира Дубасова, да двухъ флотскихъ унтеръ-офицеровъ, Скворцова и Наума Синявина.

Ночь захватила лодки эти въ запутанныхъ проходахъ между островками, а сверхъ того, палъ такой туманъ, что наши передъ носомъ, ничего не могли видѣть и шли, какъ говорится, ощупью. Они вовсе запутались и вдругъ

попали на непріятельскій военный ботъ, Эспернъ. Не зная на кого они наткнулись, наши не робѣя закричали ура, бросились всѣми пятью лодками на непріятеля, влѣзли на судно, не смотря на пушечную и ружейную пальбу его, и въ одно мгновеніе перекололи и посталкивали за бортъ кого застали на верху, а прочихъ, накрывъ и забивъ люки, заперли внизу.

Только что они успѣли справиться, очистить палубу и пуститься на завоеванномъ ботѣ въ путь, какъ другой такой же, стоявъ вблизи и услышавъ пальбу, поспѣшилъ на помощь. Но урядники Скворцовъ и Синявинъ, взявъ подъ начальство свое плѣнное судно, такъ хорошо успѣли на немъ распорядиться, что встрѣтили второй ботъ пушечной пальбой изъ перваго, между тѣмъ какъ съ лодокъ пустили бѣглый огонь; второй ботъ спѣшно удалился и скрылся въ темнотѣ и туманѣ.

Опознавшись кое-какъ, наши къ утру воротились къ своему стану, къ берегу, и привели плѣнное судно. На немъ было 5 офицеровъ, 103 рядовыхъ и 4 пушки: но подъ люками оказалось налицо всего 30 человѣкъ, остальные были побиты. И не мудрено, они оборонялись отчаянно: изъ нашей команды оказалось къ сожалѣнію 30 убитыхъ; а изъ остальныхъ 18

было только всего 4 человѣка не раненыхъ! Царь и радовался побѣдѣ этой и скорбѣлъ по ней, потому что, сверхъ того, всѣ пять лодочные командиры были тяжело ранены и впослѣдствіи четверо изъ нихъ скончались отъ ранъ, а остался въ живыхъ одинъ Синявинъ!

Объ этомъ славномъ дѣлѣ Царь своей рукой писалъ Меншикову, Головину, Нарышкину, Шереметеву, Рѣпнину, Голицыну, Шафирову, Мусину-Пушкину, Брюсу, Зотову — и повелѣлъ тѣла нашихъ убитыхъ, сколько ихъ привезено было, предать землѣ въ Петербургѣ, съ офицерскими воинскими почестями, при сопровожденіи цѣлаго баталіона.

ГИБЕЛЬ РУССКАГО КОРАБЛЯ ПРИНЦЪ ГУСТАВЪ.

Семидесятичетырехъ - пушечный корабль, Принцъ-Густавъ по природѣ былъ Шведомъ: онъ взятъ съ бою у непріятеля въ 1788 году, со Шведскимъ Вице-Адмираломъ, и прослуживъ у насъ десять лѣтъ, назначенъ былъ въ эскадру, посылаемую тогда на помощь Англіи и состояв-

шую изъ пяти кораблей и одного фрегата. Командиромъ былъ капитанъ Трескинъ, а на кораблѣ находился также флагманъ,—Контръ-Адмиралъ П. К. Карцовъ.

21-го Августа 1798 года Адмиралъ снялся съ Ревельскаго рейда; эскадра прошла, послѣ стоянки въ нѣкоторыхъ портахъ, Категатъ — тутъ 18-го Сентября встрѣтилъ ее сильный противень, отъ запада, и простоявъ нѣсколько дней, разлучилъ корабли эскадры, а на Густавѣ повредилъ рангоутъ и до того раскачалъ старыя кости его, что открылась большая течь, по 10 дюймовъ въ часъ. 22-го заштилѣло; проконопатили изнутри носовой рангоутъ, гдѣ вода ключемъ пробивалась; спайтовили гальюнъ и бушпритъ; но все прибывало воды по шести дюймовъ въ часъ; опять задулъ сильный западъ, течь увеличилась, и Адмиралъ, зная что вѣтеръ этотъ бываетъ въ тѣхъ сторонахъ по осенямъ постоянный, рѣшился спуститься въ Норвегію.

Здѣсь, сошедшись съ двумя кораблями эскадры, нашли всякую помощь и исправились сколько можно было; крепили корабль на обѣ стороны, конопатили и смолили; укрѣпивъ также водорѣзъ, гальюнъ и бушпритъ, съ течью двухъ дюймовъ въ часъ пустились было снова въ Ан-

*

глію—но Густавъ опять вскорѣ долженъ былъ зайти въ другой Норвежскій портъ, гдѣ сильные противные вѣтры продержали его до конца Октября. Тогда онъ снова вышелъ: надо было притти въ Англію, къ своей эскадрѣ.

Вышли при ровномъ, попутномъ вѣтрѣ, но онъ обманулъ: вскорѣ сталъ онъ измѣняться, дуть порывами, установился опять отъ запада и нагналъ огромную зыбь, за которою послѣдовала буря. Корабль, подъ одними нижними парусами, плохо подвигаясь впередъ, показалъ опасную течь: концы обшивныхъ досокъ вышли изъ шпунтовъ форъ-штевня и вода журчала ключемъ. Помпы не успѣвали откачивать: вода поднялась выше четырехъ футовъ. Спустившись на показавшееся подъ вѣтромъ судно, къ большой радости узнали свой корабль Изяславъ, которому адмиралъ и приказалъ держаться вблизи, между тѣмъ какъ еще разъ всѣми силами старались остановить течь, для чего между прочимъ даже подвели нашпигованный пенькою парусъ—но вода все шла на прибыль и поднялась уже на 12 футовъ.

Увидѣвъ, что нѣтъ средствъ спасти корабль и что надо поберечь команду, Адмиралъ въ военномъ совѣтѣ рѣшилъ перевести всѣхъ на корабль Изяславъ. Это было исполнено въ ти-

шинѣ и порядкѣ 1-го Ноября. Съ грустію экипажъ покинулъ свой корабль, молча садился на гребныя суда и переѣзжалъ на сосѣда своего, на Изяславъ; часу въ шестомъ вечера переѣхалъ и послѣдній жилецъ съ плѣннаго Густава, самъ командиръ; а когда разсвѣло, то всѣ молча глядѣли въ ту сторону, гдѣ долженъ бы стоять Принцъ-Густавъ — но видѣли только какъ переваливается гребнемъ волна за волной, до самаго края моря. Не захотѣлъ Принцъ-Густавъ служить третьему Государю!

Изяславъ благополучно пришелъ въ Англію, съ двойнымъ экипажемъ своимъ, и поступилъ подъ начальство Вице-Адмирала Макарова.

РЕТВИЗАНЪ.

(Разскасъ матроса Ситникова).

И еще былъ у насъ отбитый у Шведовъ корабль, Ретвизанъ: онъ взятъ славнымъ образомъ на погонѣ нашимъ фрегатомъ Венусомъ, въ 1790 году, Капитаномъ — котораго всѣ мы еще знали Адмираломъ — Крономъ. Этотъ Рет-

визанъ, какъ упрямый Шведъ, также было чуть не отбился отъ рукъ нашихъ, но покорился; объ этомъ матросъ Ситниковъ, бывшій въ 1799 году на Ретвизанѣ, довольно толково разсказывалъ такъ:

Командиромъ былъ у насъ А. С. Грейгъ, сынъ знаменитаго Адмирала, и самъ послѣ Адмиралъ. И офицеры Ретвизана всѣ почти были извѣстны всему флоту: М. Т. Быченскій, С. И. Минникій, П. А. Хвостовъ, ходившій вокругъ свѣта и послѣ пропавшій безъ вѣсти, съ товарищемъ своимъ Давыдовымъ....

Славное это было время. Русская эскадра подъ Адмираломъ Макаровымъ была послана въ товарищи Англійской, къ Адмиралу Дункену; хоть и нельзя сказать, чтобы мы много надѣлали дѣла—потому что большихъ сраженій не было—да за то ни въ чемъ не ударили лицомъ въ грязь; и дружно жили съ Англичанами, какъ офицеры, такъ и наша братья, да и ни въ чемъ не отставали отъ первыхъ въ свѣтѣ моряковъ, отъ Англичанъ. Это можно молвить безъ похвальбы. Бывало отъ брамсельныхъ и до послѣдняго трюмнаго, всѣ взапуски рвались, чтобы ни въ чемъ не отстать отъ Англичанъ—и развѣ что только одинъ разокъ удастся имъ въ какомъ нибудь пріемѣ перещего-

лять насъ, а на второй и третій разъ—смотришь, ужъ они сами только держись, чтобы не отстать!

Бывало не только господа офицеры, гдѣ ни сойдутся, толкуютъ все о своемъ дѣлѣ, кто чище сталъ на якорь, отдавъ разомъ всѣ фалы и шкоты и осаживая гитовы,—кто кого чѣмъ перещеголялъ, кто изподъ-кого вышелъ на вѣтеръ при лавировкѣ,—а и наша братья одно это во снѣ видѣла, да за трубкой ли вкругъ кадки, за чаркой ли на берегу,—все объ одномъ этомъ рѣчь вела, да отбирая расторопныхъ отъ вислоухихъ, съ первыми только зналась и водилась.

Бывало, приходитъ весна, солнышко начинаетъ грѣть, начинаютъ поговаривать о вооруженіи флота—и спишь и видишь, и ждешь не дождешься первой вешней дудки въ гавани, словно перваго жаворонка! И душу радуетъ, и сердце веселитъ, словно что родное!

Англійская эскадра высадила войска на Голландскій берегъ, гдѣ у мыса Гельдера стояло 8 Голландскихъ кораблей, 3 фрегата и шлюпъ. Англійскій Адмиралъ Дункенъ отдѣлилъ отъ себя 8 кораблей, да еще два нашихъ, чтобы взять эту эскадру. Отъ насъ пошли Ретвизанъ

и Мстиславъ, подъ командой А. С. Грейга и А. В. Моллера.

Снялись со свѣтомъ 19-го Августа и пошли. Но Голландцы въ проходѣ къ острову Тексело сняли всѣ баканы и насъ вели кой-какіе лоцмана. Путь былъ опасный. Впереди шелъ Англійскій корабль Глатонъ. Забуровивъ на одномъ поворотѣ фарватера, онъ прошелъ—но второй за нимъ, нашъ Ретвизанъ, сидѣвшій поглубже его, сѣлъ. Кто успѣлъ, изъ заднихъ, остерегся; но за всѣмъ тѣмъ еще два Англичанина сѣли подлѣ насъ.

Я стоялъ въ это время на рулѣ, Командиръ и всѣ офицеры были на верху, готовясь къ сраженію; шли мы полнымъ вѣтромъ. Только что Ретвизанъ дрогнулъ, какъ Командиръ закричалъ: руль на бортъ,—но корабль уже ударился въ другой разъ и сталъ плотно.

Вода шла на прибыль; живо закрѣпили паруса, завезли верпъ и подняли сигналъ. Лоцманъ стоялъ чуть живой. Два Англійскихъ шлюпа подошли на помощь нашу, но какъ въ это время у нихъ сталъ за нами на мель корабль Америка, то одинъ шлюпъ пошелъ къ нему, а другой бросилъ якорь и принялъ съ Ретвизана два кабельтова, которые взяли на шпили— одинъ у насъ, другой у нихъ. Корабль сталъ

было подаваться, но какъ съ тѣмъ вмѣстѣ и самый шлюпъ по немногу тащило къ намъ, то онъ побоялся, чтобы не свалиться; а какъ имъ притомъ показалось, что корабль сошелъ съ мели, то на шлюпѣ вдругъ отдали кабельтовъ—корабль опять сталъ. Былъ уже вечеръ, вода пошла на убыль и покуда справились, нельзя было никакими силами его тронуть. Рѣшились ждать прилива.

Всѣ корабли проходятъ мимо насъ — въ томъ числѣ и Мстиславъ спѣшитъ въ дѣло, а мы словно посажены на-цѣпь. Такая кручина взяла, что хоть бы головою въ бортъ ударился. Одно намъ оставалось утѣшеніе смотрѣть на товарищей своихъ по бѣдѣ, на Англійскій корабль и фрегатъ; хоть упрекать не станутъ!

Но за ночью вся эскадра стала на якорь. Мы между тѣмъ, встрѣчая отливъ, поставили стрѣлы, опуская ихъ съ привязанными къ одному концу баластинами и снайтовливая другіе концы, поперегъ судна, черезъ порты. Такъ простояли мы, при свѣжемъ вѣтрѣ и волненіи, всю ночь и еще за полдень; пришелъ приливъ и мы стали вытягивать всѣми силами завозъ. Команда рвалась и, протащивъ корабль цѣлый кабельтовъ по илу и песку, выбилась изъ силъ. Опять вечеръ наставалъ, вѣтеръ крѣпчалъ, ко-

рабль начинало сильно бить обо-дно. Съ бакштова сорвало гребное судно, на которомъ были три матроса — и помощи нельзя было имъ подать; шлюпъ стало дрейфовать и онъ наскоро снялся и отошелъ; лоцманскую лодку съ 15-ю матросами и офицеромъ сорвало съ якоря и унесло на островъ Тексель; мы спустили на низъ стеньги и реи, все время стрѣляя изъ пушекъ; вода пошла на убыль; командѣ дали передохнуть, роздавъ по сухарю и по чаркѣ.

Настала ночь; буря разыгрывалась; корабль колотило, вокругъ бѣдствующіе Англійскіе корабли палили изъ пушекъ, волненіе расходилось. На Ретвизанѣ показалась течь; палубы его отъ ударовъ трещали и грозили провалиться; румпель переломило, руль попортило; барказъ, пришедшій съ вечера на помощь и отданный на бакштовъ, залило и поставило вверхъ килемъ; волна подымала корабль и растуцаясь подъ нимъ бросала его на дно моря, съ такимъ стукомъ и трескомъ, что надо было ждать ему конца. Команда молилась и молча глядѣла на Командира: въ такую пору ни отъ кого нельзя ждать спасенія, какъ отъ Бога, да отъ него. Наконецъ, къ довершенію бѣдъ, корабль Америку стало тащить по мелямъ, прямо на насъ: пришлось хоть обняться, да и утопиться.

Въ этомъ отчаянномъ положеніи Капитанъ нашъ, видя что спасенія нѣтъ, а между тѣмъ корабль временемъ волною вздымаетъ, приказалъ обрубить канатъ и поставить нижніе стаксели. Вѣтеръ забралъ, и корабль, словно на прыжкахъ, отъ одной волны до другой, пошелъ по грядамъ мелей и каменьевъ, потащивъ за собою приищайтовленные, вмѣсто подпоръ, запасныя стеньги и реи! Мачты дрожали, едва можно было устоять на ногахъ, а толстая наружная обшивка, отдираемая каменьями, всплывала на вершины валовъ—но корабль былъ спасенъ. На одиннадцати саженяхъ бросили якорь; живо исправились и къ утру готовы были итти въ сраженіе; но утро вечера мудренѣе: Голландцы передумали драться и эскадра ихъ безъ выстрѣла сдалась.

ВОЕННЫЙ ПРИЗЪ.

Во время Шведской войны Петръ Великій, какъ Вице-Адмиралъ, доносилъ Генералъ-Адмиралу со флота, при которомъ находился:

«Сегодня отъѣзжаемъ въ Мекленбургъ, гдѣ увидимся съ Королями Датскимъ и Прусскимъ,

и что тамъ учинится новаго, о томъ къ вамъ будемъ писать впредь. А еще доношу вамъ, яко Адмиралу своему, что незадолго взяли мы здѣсь на морѣ Шведскій корабль съ желѣзомъ и сукнами, которые розданы въ награду матросамъ; а намъ на раздѣлъ досталось изъ добычи этой нѣсколько фунтовъ табаку, изъ котораго къ вашей милости посылаемъ фунтъ; извольте его въ здравіе употреблять».

ВОРОЖЕЯ.

Не даромъ говорится, что на ворѣ шапка горитъ. Ты войди въ бесѣду, поклонись чинно на всѣ четыре стороны и молви: здравствуйте кумушки честныя, здорово гулливыя! Честная-то промолчитъ, а гулливая скажется; забранится.

Былъ, сказываютъ, знахарь, который взялся розыскать, кто укралъ цѣлковый; собравъ всю артель въ избу, онъ погасилъ огонь, накрылъ черпаго пѣтуха рѣшетомъ и велѣлъ всѣмъ поочередно подходить и погладивъ пѣтуха осторожно по спинѣ, опять его накрыть; а какъ

только воръ тронетъ его, то онъ-де закричитъ во весь голосъ.

Всѣ ли подходили? Всѣ. И всѣ гладили пѣтуха? Всѣ. А пѣтухъ и не думалъ кричать? Нѣтъ, сказалъ знахарь, тутъ что нибудь да не такъ; подайте-ка огня, да покажите руки, всѣ разомъ! Глядь-анъ у всѣхъ по одной рукѣ въ сажѣ, потому что знахарь чернаго пѣтуха вымазалъ сажей — а у одного молодца обѣ руки чисты!

Вотъ онъ воръ, закричалъ знахарь, схвативъ бѣлоручку за̀-воротъ: у кого совѣсть чиста, у того руки въ сажѣ!

Расказываютъ также, что землемѣръ гдѣ-то пошелъ въ знахари, когда надо было въ деревнѣ вора найти, и также не ошибся: зная его по розыскамъ напередъ, хотя прямыхъ уликъ не было, а онъ крѣпко запирался, землемѣръ всѣхъ поставилъ въ кружокъ, вокругъ закрытаго компаса, и объявилъ напередъ, что у него есть такая стрѣлка, которая прямо укажетъ вора. Открывъ компасъ и разогнавъ стрѣлку, чтобъ покружилась, землемѣръ пустилъ ее на волю: она и уставилась прямо на Карпа, потому что Карпа, какъ отъявленнаго вора, поставили на сѣверъ. Всѣ закричали; постойте, сказалъ землемѣръ, чтобы намъ не

взять грѣха на душу, не наклепать напраслины: до трехъ разъ отводили стрѣлку — до трехъ разъ она все опять становилась концемъ противъ Карпушки; ну, коли такъ, сказалъ землемѣръ, такъ нечего дѣлать; берите да вяжите его: онъ воръ.

Карпушка видитъ дѣло плохо — бухъ въ ноги, да и повинился.

А бываетъ отъ ворожей и знахарей еще и не то: вотъ послушайте.

Жилъ былъ у лекаря денщикъ Андрей: парень смирный, и хоть простоватъ и больно нерасторопенъ, да не пьющій, и прожилъ онъ на одномъ мѣстѣ годовъ шесть. Разъ, передъ пасхой, въ людской лекаря поднялся большой содомъ: сутки двои кричали, бранились, спорили — и кончилось тѣмъ, что кучеръ пришелъ къ барину въ отчаянномъ расположеніи и началъ рѣчь свою, какъ водится, словами: «власть ваша» — а кончилъ тѣмъ, что отъ Андрея-де житья нѣтъ въ домѣ и что Андрей укралъ у него, у кучера, 25 рублей.

Лекарь этому очень удивился; никогда онъ такого дѣла отъ Андрея нечаялъ; но распросивъ кучера, самого Андрея и стороннихъ людей, не могъ розыскать ничего и не могъ обвинить Андрея; кучеръ говорилъ только, что

больше нѣкому, что никого больше небыло тамъ, и потому деньги укралъ Андрей. Лекарь отказалъ кучеру въ бездоказательномъ обвиненіи его, и думалъ, что дѣло тѣмъ кончится;—но тотъ пришелъ на другой и на третій день и черезъ два дня опять, покуда его не выгнали, сказавъ, чтобы онъ болѣе не надоѣдалъ.

Кучеръ ушелъ, молчалъ съ недѣлю, лекарь думалъ что все дѣло давно забыто — но тотъ видно не могъ заспать своего горя и посовѣтовавшись съ людьми опять пришелъ къ барину: прикажите Андрею итти со мною къ ворожеѣ, она всю правду сыщетъ. Коли онъ правъ, то не побоится; а коли не пойдетъ, такъ воля ваша, прикажите ему заплатить.

Чтобы отвязаться отъ докуки и кончить дѣло, лекарь отвѣчалъ: хорошо, идите. У кучера будто гора съ плечъ: онъ такъ вѣрилъ въ ворожею, что думалъ непремѣнно воротить свои деньги.

Дѣло было въ Питерѣ; лекарь жилъ на Выборгской сторонѣ, у Морскаго Госпиталя; а ворожея, которую провѣдалъ кучеръ, жила за Московскою заставой: это будетъ верстъ восемь, коли не десять; а чтобы застать ворожею, надо было притти рано.

Кучеръ готовился ровно на праздникъ: онъ заставилъ Андрея помолиться съ вечера, разбудилъ его чуть свѣтъ и на тощакъ потащилъ съ собою къ ворожеѣ. Она, по слухамъ, была старуха причудливая, сердитая, принимала гостей не во всякую пору и только по выбору,—но ужъ за то всегда говорила одну только правду; а коли и случалось что соврать, такъ этимъ, надо думать, никто не хвалился. Есть пословица: Бабушка, давноль ты стала ворожить? А какъ нечего стало на-зубъ положить!...

Андрей не обинуясь собрался и пошелъ. По мнѣ, говоритъ, пожалуй, куда хочешь; я ничего не боюсь. Не ѣла душа чесноку—не воняетъ.

Шли, шли, часа два—кучеръ знай торопится, да погоняетъ Андрея—наконецъ дошли. Погоди вотъ тутъ за воротами, сказалъ кучеръ своему невольному товарищу, надо доложиться. Вскорѣ кучеръ вышелъ и сказалъ что велѣно обождать. Они оба присѣли за воротами и бесѣдовали ладкомъ, будто ни въ чемъ не бывало. Прошло съ полчасика и кучеръ сказалъ: сходить-ка опять, да попросить—чай пора, вишь, солнышко показываетъ ужъ не совсѣмъ рано.

Пошедши въ домъ, кучеръ что-то позамѣшкался тамъ, видно не смѣло просился, либо не

сразу допустили. Но вотъ онъ выходитъ и зоветъ Андрея: нѣтъ отклику. Онъ выбѣжалъ за ворота, оглянулся въ обѣ стороны, покричалъ еще раза два: Андрей! — Андрея нѣтъ. Что за нелегкая, подумалъ онъ; куда его теперь унесло? — прошелся по двору, и опять по улицѣ, и за угломъ, и за другимъ, и на сосѣдніе дворы поглядѣлъ — нѣтъ Андрея; пропалъ словно провалился.

Вотъ подлая-то душа, сказалъ кучеръ вслухъ, воровская совѣсть! Ужъ ему дамъ теперь; и ужъ теперь, власть барина, а заставь онъ мошенника заплатить мнѣ деньги, всѣ сполна. Попался.

Приходитъ кучеръ домой и кричитъ Андрей! — ему говорятъ: вѣдь чай съ тобой вмѣстѣ ушелъ! — Да нешто онъ не приходилъ? — Нѣтъ, не приходилъ.

Кучеръ почесалъ затылокъ, да чешетъ его чуть ли не понынѣ. Андрей и о сю пору еще домой не приходилъ, а пропалъ безъ вѣсти.

Вотъ что надѣлала ворожея!

ТАРАКАНОВА БЫЛЬ.

Состоя прикащикомъ при нашемъ Американскомъ торговомъ товариществѣ, въ Сентябрѣ

1808 года, отправился я на бригѣ Св. Николай, подъ командой Г. Штурмана Булыгина, изъ Новоархангельска (на Ситхѣ) въ Новый-Альбіонъ, вдоль западныхъ береговъ Америки, на югъ.

Въ тихую погоду много дикихъ навѣщали насъ, но мы остерегались и не пускали болѣе трехъ человѣкъ вдругъ на бригъ. Они были всѣ вооружены: многіе ружьями, другіе стрѣлами изъ оленьяго рогу и костяными рогатинами, въ родѣ вилъ; также костяными косарями или тесаками, кистенями, а нѣкоторые желѣзными копьями. За нитку бусъ и бисера отдавали они большаго палтуса (рыбу), а за морскихъ бобровъ требовали сукна и болѣе ни на что не мѣняли ихъ.

Послѣ бури и шторма отъ SO, отъ котораго отлежались мы подъ зарифленнымъ фокомъ, вдругъ заштилѣло и зыбь стала прижимать насъ къ берегу. Мы уже были въ отчаянномъ положеніи, какъ задувшій NW далъ намъ отойти отъ опасныхъ береговъ; но за то онъ вскорѣ задулъ такъ, что мы едва уцѣлѣли, и неслись закрѣпивъ всѣ паруса.

Вѣтры мѣнялись, мы все подавались на югъ; въ концѣ Октября захватила насъ опять затишь, при такой зыби отъ запада, что ника-

кихъ средствъ не было удалиться отъ берега: мѣста эти незнакомыя, опасныя; насъ валило прямо на подводную гряду, которая была недалѣе мили отъ берега; мы стали править за рифъ, чтобы пройти между имъ и берегомъ, но очутились посреди цѣлаго сборища надводныхъ каменьевъ и подводныхъ грядъ, такъ что оставалось только искать спасенія въ якоряхъ. Но при такой зыби и засвѣжѣвшемъ къ ночи SO, канаты наши одинъ за другимъ перетирались на острыхъ каменьяхъ и потерявъ всѣ четыре якоря, мы въ темную бурную ночь поставили паруса — и пустившись на удачу, благополучно вышли изъ такой ловушки, изъ которой въ свѣтлый день невидали выхода!

Но въ самое это время у насъ переломило фока-рей. Вскорѣ вѣтеръ перешелъ къ S, потомъ къ SW и дулъ прямо на берегъ. Безъ фока-рея не было надежды отлавироваться, а замѣнить его было нечѣмъ, да и некогда. Утромъ 1-го Ноября бригъ Св. Николай бросило на берегъ.

Участь судна нашего рѣшилась; надо было позаботиться о себѣ. Безъ оружія намъ и подумать нельзя было стать ногою на-берегъ, а потому большое было для насъ счастье, что бригъ брошенъ былъ не на каменья, а вплоть

у берега, да притомъ въ самомъ началѣ отлива, и вскорѣ очутился почти вовсе на сушѣ. И такъ незаботясь напередъ даже о хлѣбѣ, каждый изъ насъ, съ ружьемъ въ рукахъ, выжидалъ времени: какъ только большой валъ, ударивъ въ судно, разсыпавшись сливался съ береговъ, то мы пускались опрометью на-берегъ. Зарядивъ ружья и поставивъ караулъ, мы стали сымать съ судна пушки, порохъ, харчи и разныя вещи, поставивъ изъ парусовъ двѣ палатки, развели большой огонь, обсушились и обогрѣлись.

Только что мы устроились, какъ дикіе стали подходить цѣлыми толпами. Насъ было всего человѣкъ 25, и двѣ женщины: жена штурмана—Анна Петровна—и Алеутка. Николай Исаковичъ (штурманъ) распоряжался еще на бригѣ, а мнѣ поручилъ таборъ: я всемѣрно старался не допускать до ссоры съ дикими и уговаривалъ своихъ: сносите, братцы, сколько можно, да старайтесь отжить ихъ отъ табора безъ ссоры; а старшину дикихъ, я неотступно просилъ, не обижать насъ и отойти до грѣха. Но пока я въ одномъ мѣстѣ разсуждалъ и велъ переговоры—подлѣ насъ дошло уже до расправы!

Калюжи (дикіе) полѣзли насильно въ палатки; наши стали гнать ихъ, а тѣ стали ихъ бить каменьями; наши отвѣтили имъ изъ ружей. Я бросился—и встрѣтилъ грудью копье; только что успѣвъ ухватить изъ палатки ружье, какъ камень, пущенный мнѣ прямо въ голову, осадилъ меня на землю: но я положилъ на мѣстѣ своего непріятеля.

Калюжи побѣжали; одного убитаго и нѣсколькихъ раненыхъ они унесли, а двоихъ оставили на мѣстѣ; мы же всѣ были поранены кромѣ четырехъ бывшихъ на-суднѣ, но большею частію только ушибены каменьями; а командиръ нашъ былъ раненъ копьемъ и камнемъ.

Проночевавъ—или лучше сказать прогоревавъ ночь, при разставленномъ караулѣ, пошли мы утромъ искать мѣста для зимовья; но по близости никакого удобства не нашли. Тогда Николай Исаковичъ сказалъ намъ:

«Я знаю, что компанейское судно, Кадьякъ, должно вскорѣ прибыть къ здѣшнимъ берегамъ, миль на 65 отъ насъ; на картѣ тутъ рѣкъ не показано; коли это вѣрно, то мы дойдемъ туда легко. Здѣсь намъ не дадутъ покою и изнурятъ; а если мы тотчасъ выступимъ, то Калюжи останутся грабить судно наше, а за нами имъ нё-почто гнаться».

На это всѣ отвѣчали: мы въ волѣ вашей и изъ повиновенія не выходимъ.

И такъ, забравъ исправное оружіе, патроны, порохъ да немного харчей, заклепавъ пушки и затопивъ оставшееся оружіе, мы переправились чрезъ бывшую тутъ рѣку на своемъ яликѣ и съ Богомъ пустились въ походъ.

Мы переночевали спокойно, при часовыхъ, но на другой день уже двое дикихъ подошли смѣло къ намъ и мы узнали въ одномъ изъ нихъ старшину, бывшаго у насъ вчера. Они настойчиво просились въ проводники наши. Я поднялъ на берегу моря дощечку, и сдѣлалъ на ней кружокъ, и отмѣрявъ 30 саженъ, посадилъ пулю въ цѣль. Они поняли отвѣтъ этотъ и ушли.

Вторую ночь расположились мы въ лѣсу, подъ утесомъ; шелъ дождь и снѣгъ; поутру сверху стали скатываться и падать большіе каменья— это было дѣло нашихъ проводниковъ. На другой день дошли мы до рѣки и пошли вверхъ, искать брода: здѣсь наткнулись мы на шалашъ Калюжей, въ которомъ никого не было. Взявъ изъ него запасъ вяленой рыбы, мы повѣсили имъ за это бусъ и бисера, и не въ далекѣ расположились ночевать.

Утромъ дикари, всѣ вооруженные, насъ окружили. Одинъ выстрѣлъ на воздухъ разсѣялъ

ихъ и мы прошли рѣку въ бродъ. Чрезъ нѣсколько дней встрѣтили мы трехъ дикихъ, съ одной женщиной, которые подошли очень льстиво, бранили оставленное нами поколѣніе, хотѣли служить намъ и когда мы опять дошли до устья рѣчки, то они предложили насъ перевезти. По другую сторону рѣки, у шалашей, ихъ сидѣло до двухъ сотъ; они прислали намъ лодку, съ двумя гребцами, въ которую можно было посадить человѣкъ десятокъ; подумавъ, мы просили ихъ достать еще другую, чтобы намъ переправиться всѣмъ вмѣстѣ. Они и прислали еще маленькую, на которой сидѣла въ гребцахъ одна баба, та самая, которая насъ встрѣтила,— и говорили, что у нихъ здѣсь болѣе лодокъ нѣтъ.

Надо было рѣшиться: въ малую лодку сѣла Анна Петровна, Алеутка наша, и еще двое; въ большую девятеро изъ насъ. Какъ только большая лодка вышла на средину рѣки, такъ бывшіе въ ней двое Калюжъ мигомъ оттоткнули пробки, которыми заткнуты были нарочно сдѣланныя ими диры въ лодкѣ, а сами нырнули въ воду. Ее понесло мимо хижинъ, откуда дикари, съ ужаснымъ крикомъ, пустили градъ стрѣлъ и камней; но Богъ вѣсть какъ лодку нашу подхватило отражавшееся отъ противнаго берега теченіе и принесло къ нашему

берегу, прежде чѣмъ она успѣла потонуть. Всѣ Мадевять человѣкъ на лодкѣ были изранены. Малая лодка пристала къ тому берегу и дикіе ее захватили.

Сдѣлавъ это дѣло и надѣясь что часть ружей нашихъ въ лодкѣ подмочена, Калюжи смѣло переправились къ намъ, для нападенія; у двоихъ были ружья. Мы на-скоро отаборились; они остановились саженяхъ въ сорока и пускали въ насъ стрѣлы и копья и одну пулю. Мы отстрѣливались около часу и они отступили тогда только, когда мы у нихъ нѣсколькихъ поранили и двухъ убили.

Но и у насъ одинъ (Собачниковъ) смертельно раненъ былъ стрѣлою въ животъ. Мы понесли его на рукахъ; но въ лѣсу онъ упросилъ насъ положилъ его и дать покойно умереть: онъ самъ видѣлъ, что конецъ его пришелъ. Ступайте съ Богомъ, говорилъ онъ, они скоро васъ нагонятъ.

Очевидно дикари сбѣгались со всей округи, чтобы насъ перебить. Всякъ изъ насъ думалъ о себѣ, но у всякаго сердце болѣло по начальникѣ нашемъ, который былъ въ отчаяніи по пропавшей женѣ своей. Рѣку не могли мы перейти, дождь насъ мочилъ и мы бродили горами и лѣсами, не зная куда, ожидая поминутно новаго нападенія—а перемокшія ружья

наши не стрѣляли! Голодъ насъ изнурялъ; мы ѣли древесную губку, потомъ подошвы отъ тарбасовъ своихъ (бахилъ, сапоговъ), съѣли также кишочные и горловыя камлеи свои (рубахи изъ медвѣжьихъ кишокъ и горла сивучей), даже ружейныя нагалища или чехлы, изъ сивучей кожи! Мало того—мы закололи вѣрнаго товарища своего, собаку, и также ее съѣли....

Николай Исаковичъ, изнуряемый при такихъ бѣдствіяхъ еще своимъ горемъ, сказалъ: «братцы, мнѣ такъ бѣдовать никогда не случалось; ни къ чему ума не приложу и самъ себя не помню. Я управить вами не могу, поручаю начальство Тараканову и самъ первый ему буду послушникъ.» Всѣ на это согласились и Николай Исаковичъ написалъ карандашемъ бумагу, что поручается мнѣ начальство; самъ онъ и прочіе всѣ къ ней руки приложили.

Мы съѣли остатокъ собаки своей и проголодавъ день, рѣшились взять харчей у дикарей, во что бы ни стало. Окруживъ двѣ хижины, мы закричали, чтобы всѣ выходили вонъ: вышелъ одинъ мальчишка, объяснивъ, что всѣ бѣжали отъ насъ, за рѣку. Взявъ по 25 рыбъ въ связкахъ, мы ушли; товарищи расположились на ручьѣ завтракать, а я самъ-третей поднялся на гору, чтобъ опознаться. Но не успѣ-

ли мы подняться, какъ двое товарищей моихъ были вдругъ ранены стрѣлами, я оглянулся и увидѣлъ толпу дикарей противъ насъ за рѣчкой, а другіе бѣжали, чтобы насъ перехватить. Стрѣлы посыпались градомъ. Я выстрѣлилъ изъ винтовки и перебилъ одному ногу. Калюжи подхватили его и бросились бѣжать въ одну сторону, а мы отъ нихъ въ другую. Раны наши были не опасны.

Дошедши до табора, отдохнувъ и поѣвши, мы держали совѣтъ, какъ быть: зима наставала, до гавани намъ не дойти и судна своего не видать. Рѣшились итти вверхъ по рѣкѣ и на привольномъ для рыболовли мѣстѣ поставить зимовку.

Ненастье сокрушало насъ. Мѣстами мы добывали мѣной съ лодокъ рыбы; рѣка была очень излучиста и мы подвигались впередъ тихо. Наткнувшись на двѣ хижины, мы просили на промѣнъ рыбы; дикари не охотно дали намъ по рыбкѣ и говорили что больше нѣтъ. Голодъ довелъ насъ до крайности: я выступилъ и грозно приказалъ подать всю рыбу и харчи, что было; оказалось всего много и мы взяли каждый въ подъемъ рыбы и икры. За это заплатили мы бусами и бисеромъ, къ ихъ удовольствію, такъ, что они же помогли намъ донести харчи до ночлега.

На другой день двое Калюжей вошли въ таборъ къ намъ очень смѣло — одинъ изъ нихъ былъ хозяинъ взятой нами рыбы — принесли для мѣны пузырь китовой ворвани, а потомъ спросили, не хотимъ ли мы выкупить у земляковъ ихъ Анну Петровну. Всѣ мы удивились, считая ее уже погибшею, а бѣдный мужъ ея, Николай Исаковичъ, не помнилъ себя отъ радости.

Штурманъ предложилъ выкупа послѣднюю шинель свою — а сукно Калюжи цѣнятъ очень высоко; — я прибавилъ свой новый китайчатый халатъ, и всѣ товарищи наши, не исключая Алеутовъ, клали каждый что могъ: кто камзолъ, кто шаровары, кто шапку, составилась порядочная куча, но дикарь все говорилъ мало и требовалъ еще четыре ружья.

Хотя на это трудно было согласиться, но я просилъ показать намъ напередъ плѣнницу. Они тотчасъ согласились: черезъ два часа явилась она передъ нами, за рѣкой. Мы хотѣли говорить съ нею, и они подвезли ее на лодкѣ и остановившись саженяхъ въ двадцати отъ берега, стали переговариваться. Бѣдный Николай Исаковичъ рвалъ на себѣ волосы — мы насилу его отвели, чтобы онъ не испортилъ дѣла. И онъ, и Анна Петровна, а за ними и всѣ

мы заливались слезами. Впрочемъ, она сказала, что ее содержатъ хорошо и жаловаться ей не на что.

Мы предложили прежній выкупъ, прибавили еще кой-что и одно испорченное ружье: но дикари никакъ не соглашались, требовали четыре ружья и повезли Анну Петровну назадъ.

Въ это время бѣдный Николай Исаковичъ, обезпамятѣвъ, рвался и метался, и объявивъ себя опять начальникомъ нашимъ, приказывалъ отдать ружья.

Положеніе наше было тяжкое. Я сказалъ, что хотя мы всегда повиновались ему и впередъ повиноваться готовы, но что такое приказаніе отдаетъ онъ не въ своей памяти и вскорѣ самъ бы сталъ укорять насъ, еслибъ мы его исполнили: оно было къ общей нашей гибели. У насъ только и осталось по ружью на брата, ими мы держались; а коли отдать ихъ врагамъ изъ рукъ, такъ это все одно что подать на себя ножъ; измѣнники Калюжи непремѣнно взяли бы всѣхъ насъ въ плѣнъ, и его самого съ Анной Петровной. Въ такомъ размѣнѣ пути не бывать. Я сказалъ, что если хотя одинъ человѣкъ отдастъ ружье свое Калюжамъ, то я имъ болѣе не начальникъ и не товарищъ, а самъ тотчасъ передамся въ руки

дикихъ. Всѣ поклялись ружей не отдавать; въ томъ суди насъ Богъ и Государь.

10-го Декабря выпалъ глубокій снѣгъ; мы выбрали мѣсто и стали рубить избу, для зимовки. Пуще всего безпокоились мы о харчахъ; къ намъ прибылъ на лодкѣ молодой старшина; я просилъ его доставить намъ рыбы, онъ согласился и приглашалъ одного изъ насъ ѣхать для промѣна ея. Одинъ изъ нашихъ собрался, а дикари, очень обрадованные случаемъ взять у насъ человѣка, тотчасъ стали торопить насъ и собираться въ путь. Но я взялъ одного изъ нихъ и сказалъ, что оставляю его въ заложникахъ. Этого они не ждали и крѣпко повѣсили носы; а хотя и должны были на условія мои согласиться, но за то привезли нашего Кормачева обратно, безъ рыбы, сказавъ что не достали. Очевидно они надѣялись было обмануть насъ.

За такую измѣну, мы всѣхъ ихъ посадили у себя подъ караулъ, а на лодкѣ ихъ отправили 6 человѣкъ съ ружьями къ ихъ хижинамъ, при чемъ Кормачевъ былъ проводникомъ, и забрали тамъ запасъ рыбы. Затѣмъ, мы одарили ихъ чѣмъ могли и отпустили. Вскорѣ одинъ старикъ самъ привезъ намъ сотню лосей (кижучей) промѣнялъ на мѣдныя пуговицы.

Мы перебрались въ зимовку свою, въ избу съ будками для часовыхъ по угламъ. Тотъ же старшина навѣстилъ насъ, чтобы высмотрѣть наше новоселье: мы просили у него на промѣнъ рыбы, но онъ грубо отказалъ, надѣясь что всѣ мы скоро погибнемъ. Я велѣлъ задержать его и потребовалъ выкупу 400 лососей и 10 пузырей икры. Съ недѣлю шли переговоры, потомъ на тринадцати лодкахъ прибыло дикарей до 70 и привезли все, чего мы требовали. Выпросивъ у нихъ одну лодку, мы отпустили заложника, подаривъ ему испорченное ружье, суконный плащъ, одѣяло и рубаху.

Съ лодкою мы зажили получше. Теперь мы могли сами ходить по рѣкѣ на поискъ и брали тутъ и тамъ заготовленную рыбу, гдѣ могли найти ее. Разъ также наши отправились вверхъ, а затѣмъ снизу поднялось много лодокъ дикихъ, съ вооруженными людьми. Мы не пропустили ихъ мимо городка своего, заставивъ выждать нашу лодку; а когда она воротилась, то Калюжи сами отказались ѣхать вверхъ, такъ какъ рыба ихъ была уже въ нашихъ рукахъ. Тогда я объяснилъ имъ, что одна крайность, одинъ голодъ заставляетъ насъ грабить; но такъ какъ сами они во всемъ этомъ виноваты, загнавъ насъ какъ враги въ эти мѣста, то мы

будемъ держаться тутъ по праву сильнаго, и потому, все верховье рѣки, отъ городка нашего, я объявляю нашимъ; а низовье пусть будетъ ихъ; если они не тронутъ насъ болѣе, то и мы ихъ не тронемъ, и даже лодки внизъ не пошлемъ; а если опять станутъ вредить намъ, то мы соберемся и пойдемъ ихъ разорять.

Сдѣлку эту они поняли, утвердили ее и сдержали: во всю зиму мы жили спокойно и они только по временамъ навѣщали насъ, чтобы видѣть, скоро ли мы тутъ пропадемъ. Но мы жили, по своему, привольно; теплая изба, дровъ много, рыбы также—а за хлѣбомъ мы не очень скучали, потому что привыкли къ рыбной пищѣ. У насъ въ Камчаткѣ и люди и звѣри, даже собаки и дворовая птица, живутъ одной вяленой рыбой.

Однако раздумывая, какъ бы выйти весной изъ своего заключенія, и зная что дикари собираютъ при устьѣ рѣки на насъ большое ополченіе, мы положили: построить большую лодку, итти на ней рѣкой до верховьевъ, а тамъ брести горами къ югу, къ верховьямъ внутренней рѣки Колумбіи—и ею пробираться въ жилую часть материка Америки.

Но всѣ затѣи наши пошли навѣтеръ. Вотъ что случилось: уже лодки наши были готовы и мы ожидали весны; вдругъ Николай Исаковичъ, бывъ очень задумчивъ отъ разлуки съ Анной Петровной, объявилъ, что принимаетъ опять надъ нами начальство. Я первый объявилъ себя въ полномъ повиновеніи у него и прочіе сдѣлали тоже. Онъ приказалъ готовиться въ путь и въ концѣ Февраля 1809 года спустились мы на лодкахъ къ тому самому мѣсту, куда въ прошломъ году дикари привозили Анну Петровну.

Всѣ мы понимали къ чему дѣло клонилось— но уважая страданія и скорбь своего начальника, рѣшились не доводить его до отчаянія и не выходить изъ повиновенія, а надѣяться на Бога.

Къ намъ подъѣхалъ старикъ, подарилъ *ишкотъ* или плетенку, корзину изъ прутьевъ, которая такъ плотно сплетена, что воды не пропускаетъ. Онъ распрашивалъ насъ обо всемъ, провожалъ и былъ очень услужливъ: онъ ловко оберегалъ лодки наши отъ наноснаго лѣсу и выпроводилъ насъ, мимо засады земляковъ своихъ на островѣ, другимъ узкимъ проливомъ. Дошедши до устья рѣки, мы стали таборомъ, насупротивъ селенія дикихъ; а старику пода-

рили что могли и еще дали ему нарочно отлитую нами оловянную медаль, на которой был двуглавый орел и год, месяц и число. Его звали *Лютлюлюк*.

На утро приѣхало к нам много дикарей и в том числѣ та самая баба, которая увезла от нас Анну Петровну. Мы тотчас захватили ее и одного старшину и объявили, что выдадим их только за взятых у нас ими плѣнников. Явился муж этой дикарки и сказал, что плѣнники уже переданы другому поколѣнію, но в четыре дня обѣщал доставить их, если только мы не сдѣлаем зла заложникам.

Через недѣлю по ту сторону рѣки опять явилось много народу и они нас вызывали к переговорам. Я сам-третей спустился к берегу. Шайка эта пришла со старшиной, на котором были шаровары, куртка и шляпа, тогда как земляки его ходят почти нагіе, в однѣх одѣялах или плащах. С ним была и наша Анна Петровна.

Но каково было изумленіе наше, когда она, послѣ перваго привѣтствія, объявила, что мы задержали родную сестру старшины в пуховой шляпѣ, что они оба люди добрые, содержат ее — Анну Петровну — хорошо, а потому

она и требовала, чтобы мы тотчасъ освободили своихъ плѣнниковъ; сама же она не желаетъ съ нами горе мыкать, а остается тамъ, гдѣ ей хорошо, и намъ совѣтуетъ отдаться въ ихъ руки. Къ этому она прибавила, что старшина обѣщаетъ отправить насъ на одинъ изъ кораблей, стоящихъ теперь не въ далекѣ въ заливѣ; а о взятыхъ съ нею вмѣстѣ сказала, что Якова и Котельникова здѣсь нѣтъ; они достались на долю другаго поколѣнія; Алеутка же Марья здѣсь.

Насъ какъ громомъ поразило; я переспрашивалъ Анну Петровну, убѣждалъ ее—все напрасно. Она говорила, что мы всѣ погибнемъ, а въ рукахъ у этого старшины будемъ цѣлы. Дѣлать было нечего, съ этою вѣстью пошелъ я въ таборъ.

Долго Николай Исаковичъ не хотѣлъ этому вѣрить, и мы за него крѣпко боялись. Я сказалъ ему, что она сдѣлала умнѣе насъ, такъ ей вѣрить можно; чѣмъ пропадать въ дремучихъ лѣсахъ одинъ по другому — лучше и вправду передаться дикарямъ. Онъ молчалъ; я объявилъ тоже всѣмъ товарищамъ; они просили подумать—и мы отложили рѣшеніе до утра.

По утру пятеро изъ насъ: штурманъ, я, Овчинниковъ и два Алеута, передались Калюжамъ,

сказавъ старшинѣ ихъ, что вѣримъ его честному слову; прочіе, простившись съ нами по братски, остались по себѣ и, не довѣряя обѣщаніямъ дикихъ, перейти къ нимъ отказались, но не къ добру: вздумавъ переѣхать на островъ, они нашли на камень, утопили лодку, подмочили весь порохъ и сами чуть не потонули. Безъ оружія, они всѣ взяты были въ плѣнъ другимъ поколѣніемъ дикихъ.

Старшину нашего звали *Ютрамакіемъ*. Всѣхъ насъ разобрали по рукамъ; Николай Исаковичъ пошелъ къ тому же хозяину, у котораго была Анна Петровна и съ нею помирился. Вскорѣ Ютрамакій перешелъ жить на другое мѣсто и взялъ съ собою меня и Николая Исаковича, обѣщавъ вскорѣ выкупить и супругу его. Но у нихъ вышла какая-то ссора и хозяинъ Анны Петровны воротилъ выкупъ за мужа ея—дѣвку и два аршина сукна—и требовалъ возврата штурмана. Ютрамакій не соглашался. Наконецъ самъ Николай Исаковичъ упросилъ его въ этомъ, желая быть при женѣ; но съ этого времени каждаго изъ насъ безпрестанно мѣняли, дарили и продавали съ рукъ на-руки, ровно товаръ, и бѣдный Николай Исаковичъ съ Анной Петровной терпѣлъ самую горькую участь: то ихъ соединяли, передавая обоихъ одному хозяину,

то разлучали—и одна смерть ихъ кончила такое бѣдствіе: она скончалась въ Августѣ 1809 года, а онъ въ Февралѣ 1810. Миръ праху его.

Я оставался всего болѣе у Ютрамакія: онъ обходился со мною очень хорошо. Я старался его тѣшить. Они настоящіе ребята: я сдѣлалъ бумажный змѣй, и когда онъ поднялся, то они съ удивленіемъ говорили, что Русскіе могутъ достать солнце съ небесъ. А когда я сдѣлалъ пожарную трещетку, показавъ старшинѣ, что она подаетъ разный голосъ и можетъ служить для сигналовъ, то мнѣ дивились, какъ человѣку, которому по уму нѣтъ ровни во всей поднебесной!

Въ Сентябрѣ 1809 г. я поставилъ себѣ особую избушку, стрѣлялъ много дичи, а зимой дѣлалъ хозяину обручную посуду: когда я выковалъ для этого изъ гвоздей, на камнѣ, скобель и зауторникъ, то диву конца не было. Меня уровняли, по званію, со старшиной и всюду звали въ гости на ряду съ нимъ и такъ принимали.

Въ зиму на 1810-й годъ у Калюжъ былъ голодъ, мало рыбы пришло, и они платили за десятокъ лососей по бобру. Трое изъ нашихъ бѣжали отъ голоду ко мнѣ; хозяинъ мой много бобровъ переплатилъ, а кормилъ насъ; когда

же ихъ потребовали назадъ, то онъ сослался на меня. Я отпустилъ ихъ, но съ уговоромъ, чтобъ не обижали и до сыта кормили.

Весной перекочевали мы, и я построилъ землянку еще лучше первой, съ бойницами. Чтобы любоваться ею, старшины приходили издалека и я прославился мастеромъ и великимъ строителемъ.

Въ маѣ Богъ услышалъ молитвы наши—Американское судно подошло къ берегамъ. Радость нашу нельзя и описать. Хозяинъ мой отправился со мною на бригъ, къ Капитану Броуну, гдѣ я уже засталъ одного изъ нашихъ, Валгусова. Броунъ выкупалъ насъ, кого привозили, вызывая къ тому дикихъ, и отдавая по пяти байковыхъ одѣялъ, по пяти саженъ сукна, напилокъ, два ножа, зеркало, пять картузовъ пороху, пять мѣшковъ дроби за каждаго. Но двоихъ нашихъ дикари задержали и просили выкупа вдесятеро болѣе. Капитанъ Броунъ захватилъ старшину, сказавъ что увезетъ его, если не выдадутъ Русскихъ. И въ тотъ же день ихъ привезли, даже доставили къ другому дню третьяго, о которомъ сказали, что его нѣтъ, Шубина, и принявъ за каждаго положенный выкупъ, весело отправились на берегъ.

Такимъ образомъ Броунъ выкупилъ 13 человѣкъ; въ плѣну погибло 7; одинъ выкупленъ былъ уже прежде, а одинъ остался, завезенный куда-то далеко. 9-го Іюня прибыли мы въ Новоархангельскъ, на Ситхѣ, черезъ одинъ годъ, восемь мѣсяцевъ и 20 дней послѣ выхода изъ этого-же порта.

Вспоминая о приключеніяхъ своихъ, мы часто благословляли память Николая Исаковича: не послушайся мы его, не воротись къ устью рѣки, а уйди—какъ мы хотѣли—въ горы, и всѣ бы мы погибли!

Нельзя жить безъ начальства, нигдѣ, даже и въ плѣну: а во время бѣды, безъ головы рукамъ и ногамъ плохо.

ВЫРѢЗКА СУДОВЪ ПОДЪ ВАРНОЙ.

Когда флотъ нашъ стоялъ въ войну 1828 года подъ Турецкою крѣпостью Варной и бомбардировалъ ее, то въ самой глубинѣ бухты подъ стѣнами крѣпости, находилось 14 Турецкихъ малыхъ парусныхъ судовъ. Онѣ большею частію были безъ военнаго вооруженія и вообще опасны для насъ не силою своею, а тѣмъ, что могли при удобномъ случаѣ послужить не-

пріятелю брандерами, отъ которыхъ флоту нашему надо было безъ-устали быть на стороже. По этому Государь, отбывая на фрегатѣ Флорѣ 14-го Іюля въ Одессу, приказать изволилъ: постараться вырѣзать въ расплохъ турецкія суда подъ крѣпостью и взять или сжечь ихъ.

Главный Командиръ Черноморскаго флота поручилъ дѣло своему начальнику Штаба Капитану 2 ранга Мелихову; для этого собраны были вооруженные катера и баркасы со всей эскадры, 26-го Іюля къ 10 часамъ ночи, у бригантины Елисаветы, постановленной нарочно для этого между крѣпостью и флотомъ. Въ 11 часовъ гребныя суда, съ офицерами и подъ начальствомъ Мелихова, въ тихомолку пустились подъ южный, болѣе высокій, берегъ, чтобы подъ нимъ прикрыться и спрятаться отъ непріятеля. Онъ увидѣлъ бѣду, когда она уже была на носу, когда гребныя суда подошли на половину ружейнаго выстрѣла. Съ передовыхъ непріятельскихъ судовъ открыли огонь—но поздно: съ крикомъ ура, наши ударили въ весла, бросились на суда, приставая передовыя къ передовымъ, и послѣ получасовой драки, завладѣли всею флотиліею. Тотчасъ взяли ее на буксиръ и потащили къ своему флоту.

Во время этого приступа и бою, крѣпость молчала; но какъ только узнала что флотилія потеряна, то открыла самый сильный огонь, со всѣхъ орудій обращенныхъ къ рейду. Темнота ночи служила для насъ лучшею защитой: крѣпость стрѣляла на удачу.

Первое съ моря судно взято было катеромъ фрегата Евстафій, Мичманъ Сальковъ; *второе* баркасомъ корабля Парменъ, Мичманъ Ситниковъ, *третье* баркасомъ корабля Пименъ, Лейтенантъ Копкевичъ, и катеромъ корабля Нордадлеръ, Лейтенантъ Аркуловъ; *четвертое* двумя катерами корабля Іоаннъ Златоустъ, Лейтенантъ Вишневецкій и Ластоваго экипажа Поручикъ Тыртовъ; *пятое* катерами корабля Императоръ Францъ, Капитанъ - Лейтенантъ Потемкинъ и Лейтенантъ Зигури: послѣдній напалъ на самое судно, а первый на бывшій при немъ вооруженный баркасъ, который однако успѣлъ уйти подъ крѣпость; *шестое* катерами корабля Пименъ, Лейтенантъ Ивановъ и Мичманъ Джотти; *седьмое* катеромъ корабля Пантелеймонъ, Лейтенантъ Чигирь; *восьмое* катерами кораблей Парменъ и Скорый, и фрегата Рафаилъ, Лейтенанты: Юрковскій, Ольшевскій и Манганари, и Мичмана Кутузовъ и Вѣтровъ; судно это было брандвахтой, на немъ

находился и Командиръ флотиліи и при немъ было два большихъ вооруженныхъ баркаса, на каждомъ по 25 человѣкъ и по 12-ти фунтовому единорогу; первые катера наши встрѣчены были огнемъ изъ орудій и ружей, почему и бросились на помощь другія, ближайшія гребныя суда; баркасы съ орудіями также взяты и много Турокъ при этомъ перебито: *девятое* судно взято катеромъ корабля Парижъ, Капитанъ Свирскій; *десятое* другимъ катеромъ корабля Парижъ, Лейтенантъ Скаржинскій: на этомъ суднѣ взяты два малыя орудія; *одиннадцатое* катеромъ корабля Нордадлеръ, Лейтенантъ Мазгана; *двѣнадцатое* катеромъ транспорта Марія, Мичманъ Тударевъ; *тринадцатое* баркасомъ корабля Пантелеймонъ, Лейтенантъ Микрюковъ; на этомъ суднѣ взятъ одинъ фальконетъ; *четырнадцатое*, стоявшее у самой крѣпости, вырѣзано баркасомъ корабля Парижъ, Лейтенантъ Зайцевскій.

Сначала Турки отчаянно оборонялись, потомъ стали спасаться и бросались въ море. Непріятеля одолѣли тутъ не одна храбрость матросовъ, а расплохъ, въ которомъ его захватили, то есть порядокъ и тишина, въ которой подошелъ гребный отрядъ. У насъ было убитыхъ 4, раненыхъ 37, въ числѣ раненыхъ 3 офицера и 1

Гардемаринъ. Въ плѣнъ взято 46 человѣкъ, а болѣе того убито и выкинуто за бортъ; кромѣ того 14 парусныхъ транспортныхъ судовъ, два вооруженныхъ баркаса, три орудія малаго калибра и два 12 фунтовыхъ единорога.

ПОСЛОВИЦЫ.

1. Прошелъ пó-морю, аки пó-суху.
2. Не море топитъ, а лужа.
3. Кто въ морѣ не бывалъ, тотъ и лужи не боится.
4. Пьяному море по колѣно—а лужа по уши.
5. Не вѣрь морю, а вѣрь кораблю.
5. Плывучи моремъ, бойся берега.
7. И въ морѣ, что въ полѣ: не столько смертей, сколько страстей.
8. Моремъ плыть — впередъ глядѣть.
9. Море переплыть, не поле перейти.
10. Подъ носомъ вижу, а подъ килемъ не вижу.
11. Безъ лота — безъ ногъ; безъ лага — безъ рукъ; безъ компаса — безъ головы.

ВОЗДУШНЫЙ ШАРЪ.

Ходитъ и ѣздитъ человѣкъ по землѣ; подрывается онъ и подъ землю, добывая руду и другія потребности; плаваетъ по водѣ, пускаясь моремъ въ дощаникѣ вокругъ всего земнаго шара, но этого всего ему мало: захотѣлось подняться выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго и полетать, поплавать по воздуху.

Отчего судно плаваетъ по водѣ? оттого, что оно легче воды; оно сядетъ въ воду на столько, чтобы выдавить подъ собою свой вѣсъ воды, а тамъ и устоится; больше ему грузнуть не отчего. Желѣзо много тяжеле воды, у насъ и пословица говоритъ: пошолъ ко дну какъ ключъ; плаваетъ по топорному; но пусти на воду посудину изъ листоваго желѣза — и она поплыветъ. Почему? — Да потому, что объемъ великъ; такой кузовокъ будетъ грузнуть въ воду, поколѣ не выдавитъ подъ собой столько воды, сколько въ немъ самомъ вѣсу, а потомъ и станетъ. А полоса желѣза отчего тонетъ? Оттого, что сколько бы она ни погружалась, въ ней не прибудетъ объема, а объемъ этотъ малъ, тѣсенъ, не можетъ занять въ водѣ столь-

ко мѣста, сколько самъ вѣситъ—желѣзо тяжеле воды.

Но изъ желѣзныхъ листовъ можно дѣлать и мореходныя суда и дѣлаютъ, какъ вы знаете, пароходы. И человѣкъ тонетъ въ водѣ, а коли подвяжетъ пары двѣ бычачьихъ, надутыхъ воздухомъ пузырей — такъ дѣлается весь и съ пузырями, легче воды, и не тонетъ. Пузыри вѣсу прибавляютъ мало, а объему много; вотъ почему они и не даютъ тонуть.

Воздухъ та же вода, мы въ немъ плаваемъ, какъ рыба въ водѣ; да только мы гораздо тяжеле воздуха, который много, много сотъ кратъ рѣже и легче воды. У рыбы есть плавной пузырь, она его то надуваетъ, то сжимаетъ, и сколько ей нужно воздуха, чтобы не быть тяжеле воды, столько держитъ его; коли хочетъ итти на дно, сжимаетъ въ себѣ пузырь этотъ, умаляя и все тѣло свое; коли хочетъ всплыть — распускаетъ или раздуваетъ пузырь, и все тѣло ея дѣлается толще. Само собой разумѣется, что живая рыба кромѣ того помогаетъ перьями, плескомъ, гребетъ и правитъ.

Вотъ затѣйникамъ и пришло на умъ, что еслибы у человѣка былъ такой плавной пузырь, чтобы ему съ пузыремъ по объему, стать легче воздуха, то можно бы подняться. А чтобы

не улетѣть вовсе, въ нескончаемое поднебесье. то ѐсть и на это стопоръ: воздухъ нашъ упругъ, какъ пуховая подушка — что больше гнести его, то тѣснѣе сляжется; по этому нижніе слои воздуха, на которыхъ лежатъ верхніе, гораздо гуще — и чѣмъ выше подыматься, тѣмъ воздухъ жиже. По этому человѣкъ съ плавнымъ пузыремъ, кабы такой нашелся, поднявшись отъ земли, по легкости своей, будетъ подыматься до тѣхъ поръ, поколѣ не придетъ въ равновѣсіе, т. е. въ такой слой, который легче нижняго слоя и гдѣ поднявшаяся тяжесть, по объему своему, можетъ устояться.

Но въ человѣкѣ нѣтъ такого пузыря, его не раздуешь. Надо придѣлать пузырь этотъ къ нему снаружи; все одно. А чѣмъ его надуть? — Что у насъ есть легче воздуха? — Кажется нѣтъ ничего?

Богъ далъ человѣку такой разумъ, такую смѣтку, что человѣкъ до всего добирается.

Воздухъ упругъ: его можно сжать, стиснуть — можно и распустить, разжидить; надо только умѣючи за это взяться. Отъ холода, отъ мороза, воздухъ густѣетъ; отъ жары рѣдѣетъ. Если сдѣлать большой, легкій пузырь, шаръ, а снизу оставить въ немъ дыру на обручѣ и подъ этой дырой развести огонь, то пузырь

раздуется, воздухъ въ немъ станетъ рѣдѣть, лишекъ его будетъ выгонять въ нижнюю дыру, а наконецъ, коли воздухъ станетъ такъ рѣдокъ и жидокъ, что вмѣстѣ съ шаромъ сдѣлается легче воздуха наружнаго, то шаръ подымется вверхъ и полетитъ. Коль скоро же воздухъ внутри шара остынетъ, то онъ сожмется, ссядется, пузырь обомнется, опадетъ и свалится на землю.

Попытайтесь сдѣлать вотъ что: возмите простой бычачій пузырь, смятый, какъ есть, завяжите его туго-на-туго, размочите, чтобы онъ сталъ погибче, а потомъ согрѣйте его осторожно,—на огнѣ, либо въ печи: какъ только воздухъ въ немъ—хоть его и очень не много—согрѣется, такъ онъ станетъ расплываться, расширяться, пузырь надуется и сдѣлается полнымъ, словно набитымъ; какъ остынетъ онъ, такъ воздухъ опять съежится и пузырь по прежнему ляжетъ въ складки, опадетъ.

Это первый родъ воздушныхъ шаровъ: шьютъ большой шаръ, сажени въ двѣ или три поперечника, изъ легкой шелковой ткани; шаръ этотъ покрываютъ лакомъ, чтобы онъ держалъ воздухъ; на шаръ, сверху, накидываютъ сѣтку, отъ сѣтки опускаютъ внизъ бичевки, а за бичевки подвѣшиваютъ челнокъ. Поставивъ на

челнокъ, подъ самую дыру шара, жаровню, или очажокъ съ горящимъ спиртомъ, можно согрѣть воздухъ въ шарѣ до того, что и шаръ и съ нимъ челнокъ подымутся на воздухъ. Покуда человѣкъ, сѣвшій въ челнокъ, станетъ поддерживать огонь, шаръ будетъ подыматься и плавать по воздуху; а коли станетъ убавлять огня, то шаръ начнетъ опять опускаться на землю.

Но есть еще и другой способъ, другой родъ воздушныхъ шаровъ: если на желѣзные опилки налить воды и купоросной кислоты, то отъ этого состава пойдутъ пузыри; но пузыри эти не изъ такогожъ воздуха, какъ тотъ, которымъ мы дышемъ: пузыри эти, если поднести къ нимъ огня, какъ только выйдутъ изподъ воды, загораются и хлопаютъ; стало быть это воздухъ, да другой; нашъ не горитъ, а это горючій. Горючій воздухъ въ десять или пятнадцать кратъ легче нашего воздуха, а потому коли имъ надуть такой же легкій шаръ, пузыремъ, и подвязать къ шару легонькій челночекъ, то человѣку можно на немъ подняться.

Не болѣе 80 лѣтъ, какъ люди стали пускаться въ воздушныхъ шарахъ на полеты; много смѣльчаковъ погибло за этими попытками; иной съ шаромъ своимъ упалъ въ море; дру-

гой, по неосторожности, вдругъ выпустилъ изъ шара воздухъ и упалъ пластомъ изподъ облаковъ на землю; случалось и то, что шаръ на воздухѣ загорался.

Но человѣкъ смѣлъ: счастливый къ обѣду, роковой подъ обухъ. Всякъ надѣется на счастье, всякъ надѣется миновать роковаго обуха, и понынѣ еще много людей, то тутъ, то тамъ, пускаются на воздушныхъ шарахъ по воздуху. Счастливый имъ путь!

Но управлять воздушными шарами доселѣ не умѣютъ. И мудрено: во первыхъ потому, что воздухъ жидокъ, на лету судно ни руля, ни даже веселъ не слушается; говорятъ: на водѣ ноги жидки—а ужъ на воздухѣ и подавно; во вторыхъ и потому, что весь шаръ со всѣмъ приборомъ сноситъ вѣтромъ, а противъ вѣтра управлять нельзя ни чѣмъ. По этому воздухоплаватели и пускаются всегда только съ попутнымъ вѣтромъ.

Толщина или высота всего слоя воздушнаго вкругъ шара земнаго гораздо менѣе ста верстъ, этотъ слой воздуха, съ облаками своими и называется атмосферой. Воздухоплаватели не подымались выше шести верстъ отъ земли, чѣмъ выше, тѣмъ морознѣе и тѣмъ воздухъ рѣже;

такъ что тамъ тяжело дышать и даже иногда кровь идетъ и ртомъ и носомъ.

КОРАБЕЛЬНЫЙ МАСТЕРЪ.

Петръ Великій, изучивъ первый изъ Русскихъ кораблестроеніе и зная его такъ основательно, что могъ быть хорошимъ плотникомъ, и тимерманомъ, и самимъ мастеромъ, стоялъ въ спискѣ своихъ корабельныхъ мастеровъ, получалъ на ряду съ ними жалованье, закладывалъ самъ и строилъ суда. Когда онъ выходилъ въ одеждѣ корабельнаго мастера, то требовалъ чтобы всѣ прочіе мастера обходились съ нимъ за-просто и самъ чествовалъ ихъ товарищами. Онъ хаживалъ къ нимъ въ гости, обходился безъ чиновъ и проводя поучительную бесѣду за закуской, самъ удостовѣрялся въ знаніи и заботливости ихъ.

ОСТРОВЪ ПИТКЕРНЪ.

Въ Ноябрѣ 1787 года Англійское Правительство отправило Лейтенанта Блея, командиромъ

на шлюпѣ Боунти, въ Южный Океанъ, для перенесенія оттуда хлѣбнаго дерева въ Западную Индію, на Американскіе острова. Почти годъ были они на пути до острова Таити; здѣсь неосторожнымъ морякамъ нашимъ такъ понравилось, что они грузились почти полгода и насилу управились. И нехотя, да наконецъ снялись они съ якоря и пошли по назначенію.

Команда на Боунти была сборная, частію съ купецкихъ судовъ, разный сбродъ; передъ отплытіемъ въ море она на прощанье съ Таитянами сильно попировала; на суднѣ вышелъ какой-то раздоръ, драка, одна часть команды возмутилась и дѣло на тотъ разъ рѣшилось тѣмъ, что Капитана и 19 человѣкъ оставшихся ему вѣрными, посадили на шлюпку и давъ имъ боченокъ воды, нѣсколько бутылокъ вина, пуда четыре хлѣба и компасъ—шлюпъ, управляемый главнымъ зачинщикомъ, штурманомъ Христіаномъ, поднялъ паруса и, съ буйными криками и пьяными пѣснями, пустился обратно къ Сандвичанамъ. На суднѣ осталось всего 25 человѣкъ.

Бунтовщики сперва пристали къ острову Тобуай, но дикіе вступили съ ними въ бой и хотя Англичане остались побѣдителями, но рѣшились уйти къ старымъ друзьямъ своимъ

на островъ Таити. Но и здѣсь они не рѣшались остаться, зная что о возмущеніи ихъ будетъ узнано въ Англіи, а разказавъ жителямъ сказку, будто Капитанъ и товарищи ихъ вздумали поселиться на открытомъ ими островѣ, просили надѣлить ихъ харчами и другими припасами и вызывали охотниковъ изъ Таитянъ съ ними переселиться.

Забравъ съ собой нѣсколько туземцевъ обоего пола, бунтовщики опять отправились было на Тобуай и стали тамъ селиться; но Тобуайцы опять на нихъ вооружились и чуть не вырѣзали ихъ. Испуганные этимъ, они снова воротились на Таити.

Между тѣмъ бунтовщики немного опамятовались и стали поговаривать о винѣ своей и призадумываться надъ своею участью. Навѣрно Англія пошлетъ ихъ отыскивать, чтобы казнить виновныхъ, и на Таити найти ихъ легко. Восемь человѣкъ бунтовщиковъ съ шестью Таитянами и десятью Таитянками, воровски перебрались на судно свое и украдкой отправились искать другаго убѣжища.

Такимъ образомъ весь экипажъ судна Боунти раздѣлился на три части: Капитана съ 19 человѣками пустили на шлюпкѣ въ море; штурманъ Христіанъ самъ-восемь поплылъ искать скрыт-

наго пристанища: а 17 человѣкъ остались на Таити. Послѣдуемъ за судьбою каждой части.

Бѣдственно было положеніе двадцати человѣкъ, покинутыхъ на шлюпкѣ, съ самымъ малымъ запасомъ харчей и воды, среди океана. Всѣ предались отчаянью—одинъ Капитанъ Блей не терялъ духа и требуя отъ прочихъ строгаго повиновенія, обѣщалъ, съ помощію Божіею, спасти ихъ. Всѣ поклялись покорностію; кто на-Бога положится—не обложится: Капитанъ не обманулъ своихъ товарищей бѣдствія.

Ближайшій берегъ отъ нихъ былъ островъ Тофоа, въ 30 миляхъ; Блей направилъ туда путь свой, достигъ острова, но лишь-только успѣли они обнести цѣпной фалинь вкругъ камня или береговаго дерева, какъ дикіе кинулись на нихъ толпою и пустили градъ камней, замахиваясь дубинками. Наши бѣдняки были безоружны, они должны были погибнуть; урядникъ Нортонъ, видя неминучую бѣду, искупилъ добровольною смертію своею спасеніе ихъ: онъ выскочилъ на берегъ и закричалъ: отваливай! Только что успѣли отпутать цѣпной фалинь, какъ дикіе убили урядника и разорвали на части.

Шлюпка отвалила. Въ отчаяньи несчастные не смѣли болѣе пытаться приставать къ остро-

вамъ, гдѣ въ обычаѣ было такое плохое хлѣбосольство. Они снова поклялись Капитану въ повиновеніи и просили его, во что-бы ни стало, вести ихъ въ мѣсто, населенное не дикими, а Европейцами. Подумавъ о положеніи своемъ и сообразившись, Блей рѣшился на неслыханное дѣло: итти черезъ Торресовъ проливъ, мимо Новой Голландіи, на островъ Тиморъ, къ Голландскому поселенію. Это переходъ въ 4000 миль!

Пустились, благословясь, въ путь, положивъ надѣлять каждаго человѣка въ день сухарями по три золотника, да одною чаркою воды. Вскорѣ ихъ застигла страшная буря, а затѣмъ и другая; шлюпку такъ заливало, что едва успѣвали отливаться; а сухари не только размокли; но обратились въ розмазню. По расчету времени, еще уменьшили порцію.

Послѣ 32 дневнаго голода, жажды, зноя, непосильныхъ трудовъ и изнуреній, несчастные увидѣли берегъ пролива Торреса, пристали къ пустому островку и нашли тамъ добрую воду и много плодовъ. Бѣдняки думали, что попали въ рай; они переночевали на острову—по совѣтомъ ихъ окружила вооруженная толпа дикихъ, переѣхавшихъ съ однаго изъ сосѣднихъ

острововъ: бѣдняки наши съ трудомъ успѣли броситься въ шлюпку и отвалить.

Въ проливѣ видѣли они по берегамъ дикихъ, которые даже манили и призывали къ себѣ путниковъ: но эти, будучи вовсе безоружны, вспомнили бѣднаго урядника Нортона и проплыли далѣе. Мѣстами приставали они, съ большою осторожностію, къ пустыннымъ островкамъ, гдѣ находили плоды и воду. Не смотря на это, силы странниковъ истощались; при выходѣ изъ пролива всѣ 19 человѣкъ лежали, расслабленные и больные, и въ отчаяніи молили Бога о скорой и легкой смерти. Одинъ капитанъ Блей, хотя самъ чуть живой, не терялъ духа и старался обнадеживать и ободрять свою команду.

Наконецъ, пробившись въ этомъ бѣдственномъ положеніи еще болѣе трехъ недѣль, и притомъ опять въ открытомъ морѣ, гдѣ нѣтъ для пристанища острововъ, увидѣли берегъ и Блей объявилъ, что это Голландскій островъ Тиморъ. Радость была неописанная; благодарственныя молитвы со слезами раздавались круглыя сутки, до прихода къ пристани. Здѣсь приняли бѣдствующихъ, изъ которыхъ одинъ только померъ отъ болѣзни, а прочіе 18, въ

Мартѣ 1790 г., на купецкомъ суднѣ благополучно достигли родины своей, Англіи.

Теперь обратимся къ шайкѣ бунтовщиковъ, оставшейся на островѣ Таити: судьба ихъ короткая; Англійское Правительство послало фрегатъ Пандору, который отыскалъ ихъ, взялъ закованныхъ, и въ этомъ положеніи они, потерпѣвъ еще разъ крушеніе, наконецъ прибыли въ Англію, гдѣ ихъ судили военнымъ судомъ и по приговору суда перевѣшали.

Наконецъ остается еще та шайка, девять человѣкъ, которая, съ шестью мущинами и десятью женщинами острова Таити, бѣжала на суднѣ Боунти не вѣдомо куда.

Много лѣтъ полагали, что они всѣ погибли въ морѣ; они пропали безъ-вѣсти и давно уже объ нихъ перестали думать, когда, въ 1814 году, Англійскому фрегату Бретону, шедшему въ Чили, случилось бросить якорь у небольшаго островка, который былъ извѣстенъ какъ никѣмъ не обитаемый, и гдѣ никогда почти не останавливались суда, по неудобству и даже опасности стоянки. Островокъ этотъ называется Питкернъ и лежитъ на островитой части Тихаго океана, въ одномъ округѣ съ островами Таити, гдѣ оставалась часть бунтовщиковъ,

и Тубуая, гдѣ шлюпка Капитана Блея потеряла урядника Нортона.

Капитанъ и офицеры Бретона, бросивъ якорь у необитаемаго острова Питкерна, до крайности изумлены были видомъ на небольшое, но прекрасное поселеніе, очевидно основанное Европейцами. Въ тоже время нѣсколько шлюпокъ, хорошо устроенныхъ, пустились подъ парусами отъ берега къ фрегату; а на самомъ берегу показались люди, призывавшіе путниковъ дружескими знаками. Еще болѣе изумились офицеры Бретона, когда невѣдомые жители эти смѣло пристали къ фрегату и поздоровавшись на чистомъ Англійскомъ языкѣ начали бесѣдовать.

Съ любопытствомъ разсматривали офицеры этихъ полудикихъ и полуобразованыхъ людей, съ пріемами ловкими, приличными, въ странной одеждѣ, полудикихъ по чертамъ лица, Англичанъ по языку. Кто вы и откуда вы?— спросилъ Капитанъ. Вмѣсто отвѣта, одинъ изъ посѣтителей спросилъ: не знавали ль вы въ Англіи Капитана Блея?—Тогда только Англичане вдругъ догадались съ кѣмъ бесѣдовали, и въ свою очередь спросили: Нѣтъ ли на островѣ штурмана Христіана?—Нѣтъ, отвѣчали молодые люди, его давно нѣтъ; онъ погибъ, какъ и товарищи его, всѣ кромѣ одного; но въ жи-

выхъ остался сынъ Христіана и теперь возмужалъ. Насъ теперь на островѣ 48 человѣкъ; при насъ остался одинъ только живой человѣкъ съ корабля Боунти, это—отецъ Адамсъ; мы Христіане, молимся каждый день съ отцомъ Адамсомъ; Англійскаго Короля признаёмъ мы и своимъ, говоримъ всѣ по Англійски, по отцамъ, а по матерямъ своимъ знаемъ также языкъ Таитскій.

Съ большимъ любопытствомъ офицеры отправились на берегъ, гдѣ нашли прекрасно устроенное селеніе и цѣлое поколѣніе свѣжихъ молодцовъ и дѣвушекъ, подъ управленіемъ старика Адамса. Весело, но чинно сѣли за обѣдъ, прочитавъ напередъ вслухъ молитву, а кончивъ обѣдъ, также помолившись, встали. Вотъ что расказалъ старикъ Адамсъ:

Пустившись въ 1788 году самъ-девятъ отыскивать пристанища, штурманъ Христіанъ попалъ съ заграбленнымъ судномъ къ нежилому острову Питкернъ; осмотрѣвъ его, они рѣшились здѣсь остаться, какъ по причинѣ богатства растительности и удобства для поселенія, такъ и потому, что островъ лежитъ въ сторонѣ и весь окруженъ опасными рифами, посему суда никогда почти къ нему не заходятъ.

Все что можно было, перетащили на берегъ а судно сожгли, чтобы не было признаку. Для поселенія выбрали скрытое мѣсто, въ раздолѣ, за лѣсомъ, и стали строиться. Но видно не было Божьяго благословенія на беззаконное дѣло; сначала, казалось, все шло хорошо: ни въ чемъ не было недостатка; богатая почва награждала каждаго за малый трудъ; урожай былъ на слѣдующій же годъ обильный. Но буйные Англичане стали обижать Таитянъ, хотѣли обратить ихъ изъ товарищей въ слугъ и работниковъ и отбивали у нихъ женъ.

Страшная кара послѣдовала: шесть Таитянъ, сговорившись, напали ночью на Англичанъ и всѣхъ девятерыхъ перерѣзали какъ барановъ, по одиночкѣ. Таитянки взвыли голосомъ и привыкнувъ уже къ Англичанамъ, по дикому обычаю своему условились отмстить убійцамъ, не понимая что одно убійство нельзя поправить другимъ; — на слѣдующую же ночь онѣ убили всѣхъ шестерыхъ Таитянъ. Остались на островѣ однѣ женщины, десять Таитянокъ.

Сдѣлавъ дѣло это, онѣ пошли отыскивать всѣхъ убитыхъ Англичанъ, чтобы тѣла ихъ похоронить честно, по своимъ обычаямъ. Онѣ собрали осьмерыхъ, а девятаго не могли найти; разсыпавшись во всѣ стороны, онѣ нако-

нецъ нашли и девятаго — полумертвымъ, но еще живымъ: это былъ Адамсъ. Онъ, израненный, заползъ въ ближайшій лѣсокъ и пролежавъ тамъ сутки безъ памяти, едва дышалъ.

Таитянки принесли его домой, ухаживали за нимъ всѣ, и вскорѣ Адамсъ всталъ на-ноги. У нѣкоторыхъ Таитянокъ оставалось по ребенку отъ убитыхъ Англичанъ, другіе были беременны; сынъ штурмана Христіана былъ первый уроженецъ острова. Затѣмъ Адамсъ былъ признанъ и оставался общимъ отцомъ и старшиной этого семейства, въ которомъ, черезъ 26 лѣтъ, въ 1814 году, было 48 душъ.

Адамсъ пришелъ въ себя. Глубокое, искреннее раскаяніе имъ овладѣло; онъ сталъ молить Бога денно и нощно о прощеніи великаго грѣшника уже столько наказаннаго судьбой. Онъ сталъ учить и наставлять всѣхъ матерей и дѣтей, которыхъ и удалось ему воспитать въ страхѣ Божіемъ. Молодежь, подъ благословеніемъ и при молитвахъ общаго старшины, отца и учителя своего, Адамса, вступала въ браки и такимъ образомъ населялось и устроивалось одно семейство за другимъ.

Въ 1825 году Англичанинъ Капитанъ Бичи, на пути къ Берингову Проливу, навѣстилъ островъ Питкернъ и нашелъ увеличившееся по-

селеніе его до 66 душъ, въ благоденствіи; Адамсу было уже 60 лѣтъ, но онъ былъ свѣжъ, бодръ, и подъ его присмотромъ, заботой и ученьемъ вся семья его жила въ добрѣ и въ покоѣ.

Островъ Питкернъ всего пяти миль въ окружности, вся земля раздѣлена была на полосы и участки и отецъ Адамсъ не прежде дозволялъ женитьбу, какъ когда молодые люди, готовившіеся къ тому, обработывали такой участокъ сада и огорода, который могъ прокормить семью. Ссоръ не бывало болѣе никогда и никакихъ; всѣ были правдивы, добродушны, богобоязливы. Много разведено ими кокосовъ, банановъ, хлѣбныхъ деревъ, а также свиней и козъ, которыя по счастью были на сожженномъ ими суднѣ. Рыбы много; ключевая вода хороша, но ея было маловато.

Старикъ Адамсъ былъ прощенъ Англійскимъ Правительствомъ и скончался спокойно въ 1829 году. Жителямъ островка становилось тѣсно, особенно смущалъ ихъ недостатокъ прѣсной воды. Правительство предложило имъ переселить нѣкоторыхъ на другіе острова; но Питкерны не могли другъ съ другомъ растаться, почитая себя одною семьей; по этому ихъ перевезли всѣхъ на просторный островъ Таити. Здѣсь, однакоже, не хорошее поведеніе мѣстныхъ

жителей до того опечалило бѣдныхъ переселенцовъ, что многіе изъ нихъ рѣшились воротиться въ свое одиночество, на тѣсный, но спокойный островокъ. Они прибыли благополучно и живутъ тамъ съ миромъ до нынѣ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ВЕРФЬ.

Послѣ заложенія крѣпости въ С. Петербургѣ, при самомъ основаніи столицы этой, въ Троицынъ день 1703 года, первымъ дѣломъ Петра Великаго было заложеніе верфи корабельной и Адмиралтейства. 1714 года въ Сентябрѣ, Царь спустилъ со стапеля корабль, *Шлиссельбургъ*, заложенный по Его чертежу и собственными Его руками. Царь при спускѣ этомъ распоряжался лично, какъ корабельный мастеръ, и когда корабль сошелъ прекрасно, въ общей радости сказалъ всѣмъ бывшимъ тутъ такое слово:

«Товарищи! Естьли кто изъ васъ такой, кому бы за 20 лѣтъ предъ симъ пришло на мысль, что онъ будетъ со мною на Балтійскомъ морѣ побѣждать непріятеля, на корабляхъ, построенныхъ нашими руками! А думалъ ли кто,

что мы переселимся въ эти мѣста, усвоенныя потомъ нашимъ и кровью?»

«Думалъ ли кто видѣть здѣсь такихъ побѣдоносныхъ матросовъ и солдатъ, Русской крови, и городъ этотъ, — новую столицу, населенную нами и большимъ числомъ чужестранцевъ — мастеровыхъ, торговыхъ и ученыхъ, — прибывшихъ къ намъ, какъ на общій пиръ, для сожитія съ нами? А чаялъ ли кто, что мы увидимъ себя въ такомъ почтеніи у всѣхъ прочихъ владѣтелей?»

«Въ древности науки и просвѣщеніе были дома въ Греціи, оттуда черезъ Италію разлились по всему западу — а мы остались въ прежнихъ потемкахъ, наравнѣ съ Азіатцами. Пришелъ и нашъ чередъ: вы видите всѣ на дѣлѣ, что если захотите прямо, честно и старательно помогать мнѣ, трудиться съ послушаніемъ, то мы скоро никому ни въ чемъ не уступимъ.»

«Наука, знаніе, искусства, просвѣщеніе — обращаются по всему человѣчеству, какъ кровь въ тѣлѣ нашемъ; какъ она протекаетъ, по всѣмъ членамъ, согрѣвая и оживляя каждый, такъ и науки даютъ человѣку и всей общинѣ жизнь и разумъ; предвижу, любезные товарищи мои, что придетъ время, когда мы сравняемся съ самыми просвѣщенными народами, сравняемся

и, если Богу угодно, превзойдемъ ихъ успѣхами въ наукахъ, неутомимостію въ трудахъ и величіемъ громкой и заслуженной славы.»

Всѣ бывшіе при этомъ, слушая рѣчь Царя и не проронивъ словечка, воскликнули: «Ей, самая истина это, и рады мы стараться за Тобою, указывай и веди насъ, Великій Государь, по пути свѣта!»

ТЕНДЕРЪ СТРУЯ.

Тяжело бываетъ для судовъ нашихъ крейсерство у восточныхъ (Абхазскихъ) береговъ Чернаго моря; тутъ мѣсто открытое, во все море, до самаго Цареградскаго пролива и до береговъ Дунайскихъ; тутъ берега приглубые, крутые, грунтъ не надежный, защиты нигдѣ и никакой. А каково же здѣсь въ позднюю осень, или зимой?

Въ мѣстахъ этихъ, около укрѣпленія нашего Новороссійска, по часту случаются такіе штормы, изъ нордостовой четверти, что ихъ въ другихъ мѣстахъ и не знаютъ, а здѣсь дали имъ особое названіе: *бора*. Говорятъ, что отъ боры

этой и на берегу ни одинъ человѣкъ на ногахъ своихъ устоять не можетъ; каково же терпѣть бору въ морѣ, у опасныхъ береговъ, да еще при жестокомъ морозѣ?

Обыкновенно передъ борой на горномъ хребтѣ, который тянется вдоль бухты, показываются клочья облаковъ, кои вскорѣ срываются и разносятся, на ихъ мѣсто изъ за-горъ показываются новые, а между тѣмъ налетаютъ шквалы, покачиваясь туда и сюда румба на четыре. За тѣмъ налегаетъ на заливъ и самая бора, вздуваетъ воду, срываетъ полосами верхушки валовъ, крушитъ и ломаетъ все.

Въ исходѣ Ноября 1847 года стояли въ бухтѣ Новоросiйскiй фрегатъ *Мидiя,* бригъ *Аргонавтъ,* тендеръ *Струя* и транспортъ *Березань,* когда налегла на малую эскадру эту бора. Для стоянки здѣшней положены мертвые якоря пудовъ по 300, и притомъ попарно, съ грунтовыми цѣпями: но фрегатъ потащило съ этими якорями (съ бриделемъ). Брошенный на помощь судовый якорь удержалъ фрегатъ, саженяхъ въ 50 отъ мели. На тендерѣ Струя лопнула своя (судовая) цѣпь отъ бриделя и тендеръ едва не погибъ. Съ бригомъ Аргонавтъ случилось еще хуже: носовая часть его, обдаваемая брызгами при сильномъ морозѣ, до 13 градусовъ, стала

обмерзать и отъ наслойки льда, сплошь отъ гальюна до русленей и подъ ними, начала грузнуть въ воду. Отъ этого и вода, попадавшая всплесками на палубу, также вся скатывалась къ баку и замерзала. Вся палуба, рангоутъ, снасти, шлюпки на баконцахъ, все покрылось слоями льда, который намерзалъ толще и толще, а носъ все болѣе погружался. На бѣду, отвалившейся льдиной выбило еще погонный полупортъ, и покуда успѣли задѣлать его, много воды налилось въ палубу и она также замерзла подъ бакомъ.

Для облегченія носовой части брига бросили два якоря, перетащили носовыя каронады на корму, но этого было мало: ледъ намерзалъ горой и погружалъ носъ. Команду раздѣлили на три смѣны и она обрубила ледъ—но люди не могли вынести рѣзкаго шторма, при сильномъ морозѣ; одежда на нихъ вся леденѣла въ четверть часа, руки и ноги костенѣли, брызги разъ въ разъ обдавали и снасти и судно и людей; да тутъ же и примерзали. Эта тяжкая работа длилась 16 часовъ сряду и командиръ брига, Капитанъ 2 ранга Рюминъ, не можетъ нахвалиться терпѣніемъ и стойкостію команды, говоря, что еслибы матросы хоть немного оплошились въ работѣ, то бригъ погибъ бы. На-

конецъ бора затихла и бѣдный Аргонавтъ поправился.

Но все это только присказка, а быль впереди. Это цвѣточки, а вотъ и ягодки.

12-го Января 1848 года на этомъ же рейдѣ стояли на бриделяхъ: фрегатъ *Мидія*, Капитанъ 1 ранга Касторфъ; корветъ *Пиладъ*, Капитанъ 2 ранга Юрковскій; бригъ *Паламедъ*, К. Л. Вердеманъ; шкуна *Смѣлая*, Лейтенантъ Колчинъ, и тендеръ *Струя*, Лейтенантъ Леоновъ; да стояли на своихъ якоряхъ: пароходъ *Боецъ*, Капитанъ 2 ранга Рыкачевъ, и транспортъ *Гостогай*, Лейтенантъ Щеголевъ. Съ утра погода и вѣтеръ были непостоянны, въ полдень стали показываться смерчи, погода стала стращать борой отъ NO, и потому реи и стеньги на всей эскадрѣ были спущены. Набѣгали жестокіе шквалы, а часа полтора за полдень на корветъ набѣжалъ смерчь, которымъ положило его на-бокъ и сорвало съ двухъ цѣпей. Корветъ насилу удержался на двухъ якоряхъ своихъ—а между тѣмъ бригъ Паламедъ, въ полуторѣ кабельтовыхъ, штилевалъ; якорныя цѣпи его обвисли! Вскорѣ заревѣла бора и къ ночи морозъ усилился до 16 градусовъ.

Свидѣтели говорятъ, что этого страха и ужаса нельзя ни вздумать, ни описать. Такого

урагана никто и никогда въ жизнь свою не видалъ; при этомъ трескучій морозъ, ревъ моря и урагана, что въ двухъ шагахъ не слышно команды, ни голоса человѣческаго; ледяныя брызги несутся и кружатся по воздуху, какъ носятся снѣжинки въ мятель—но ледъ этотъ рѣжетъ лицо и руки, а отъ густоты ледяныхъ капель меркнетъ свѣтъ; каждая волна, вскатываясь, стынетъ на взлетѣ и замерзаетъ на корпусѣ судна, на палубѣ и куда попадетъ —и назадъ въ море откатывается мало воды, вся остается ледянымъ слоемъ на суднѣ.

Отстаиваясь на рейдѣ, всѣ суда эти обмерзли кругомъ и сплошь наслоінными льдинами; снутри также все замерзло, куда только вода попадала; сбиваемыя бурей со снастей льдины падали и били людей, которые сами чуть не примерзали тамъ, гдѣ стояли и работали. Командиръ и офицеры только дивились матросамъ нашимъ, которые не поддавались ни урагану, ни смерчу, ни морозу, а работали безъ ропота и безъ устали, сколько въ комъ было силъ. Ни страху, ни безтолочи и безпорядку, ни жалобъ и плачу; всѣ молча дѣлали свое дѣло, крестясь по временамъ и полагая надежду на Бога и начальство.

Ночью лопнула цѣпь подъ бригомъ Паламедъ; брошены два якоря, потомъ и третій; бригъ удержался на 26 футахъ. Но волненіемъ и льдинами выбило погонный портъ; всѣ офицеры кинулись къ этому бѣдствію, три раза заколачивали портъ досками, и доски опять напоромъ волнъ выбивало и отбрасывало работниковъ; вода заливала палубу и мерзла подъ бакомъ, а носъ все болѣе тонулъ. Бригъ не сталъ уже подыматься на волны, которыя начали перекатываться черезъ него, и рабочіе поневолѣ вовсе отступились отъ обрубки льда.

Бригъ опять стало дрейфовать и въ 5 часовъ утра онъ ударился кормою такъ, что руль выбило. Трюмъ, а затѣмъ и кубрикъ налился водой; бригъ поворотило лѣвымъ бортомъ къ берегу, повалило, начало бить всѣмъ лагомъ обо дно, и выбило гротъ-мачту. Къ счастію еще, что его повалило палубой подъ вѣтеръ— иначе не было бы угла, гдѣ бы можно было укрыться отъ волнъ.

Къ расвѣту бригъ прибило къ самому берегу; пятеро удалыхъ матросовъ вызвались передать на берегъ конецъ: они сѣли въ шестерку, которую сорвало съ боканцевъ; имъ и всего-то надо было прогрести до берегу съ полкабельтова—но волной захлеснуло и опрокинуло шлюп-

ку и всѣ пятеро погибли. Не прежде какъ около полудня, когда бора временно нѣсколько стихла, удалось, при помощи жителей, свезти команду на берегъ. Командиръ, офицеры и много нижнихъ чиновъ приняты были въ госпиталь, съ ознобами.

Таже судьба постигла транспортъ Гостогаій. Онъ стоялъ на своихъ якоряхъ, потому что всѣ бридели были заняты, и свечера бросилъ третій якорь, а потомъ еще два верпаguськомъ; но его потащило со всѣхъ якорей и въ 4 часа утра ударило объ мель и вышибло руль. Отъ бою сдѣлалась течь и вода поднялась на 9 футъ. Снутри и снаружи все судно обросло аршинною корою льда.

Всю команду и бывшихъ для перевозу 30 солдатъ услали на низъ, закрыли люки и старались согрѣться. Командиръ судна говорилъ, что хотя люди почти замерзли на верху, покуда шла работа, и всѣ окоченѣли, такъ что сдва ходили, но что онъ ни отъ кого не слышалъ жалобы и ни одинъ человѣкъ до приказанія не ушелъ на низъ.

Съ расвѣтомъ увидѣли, что транспортъ принесло очень близко къ берегу; не смотря на это съ большимъ трудомъ перевезли команду, чуть живую, и многіе познобили руки и ноги.

Пароходъ Боецъ пришелъ только наканунѣ этого бѣдоваго дня, за углемъ; онъ также долженъ былъ отстаиваться на своихъ якоряхъ. Въ полночь держался онъ на двухъ якоряхъ: вытравивъ у одного 40, а у другаго 90 саженъ цѣпи, затѣмъ, въ помощь якорямъ, развели пары и пустили машину полныхъ ходомъ. Не смотря на это не могъ онъ ничего сдѣлать противу порывистаго урагана, который все болѣе свирѣпѣлъ: въ 2 часа лопнула одна якорная цѣпь, а въ 4 часа пароходъ потащило съ якоремъ и съ парами; въ $6^1/_2$ часовъ положило его лѣвымъ бокомъ къ берегу, саженяхъ въ 20. Пароходъ затопили, чтобы его небило о дно морское, а затѣмъ, передавъ кабельтовъ на берегъ спасли всю команду.

Съ расвѣтомъ 13-го бора усилилась до нельзя: мгла отъ пасмурной погоды и отъ носимыхъ по воздуху ледяныхъ брызговъ была такая, что вмѣсто свѣту стояла тьма. Только порою, когда съ ураганомъ набѣгала свѣтлая полоса, съ флагманскаго фрегата видно было, что на рейдѣ устояли: тендеръ Струя, на бриделѣ, на своемъ мѣстѣ, хотя за мрачностію видѣнъ былъ одинъ только рангоутъ его; корветъ Пиладъ, не сорванный съ бриделя, держался на вольной водѣ, на своихъ якоряхъ; прочихъ никого не было видно.

Къ ночи казалось съ фрегата, будто на тендерѣ сдѣланы были сигнальныя вспышки и будто стрѣляли изъ пушекъ; но вѣрнаго ничего нельзя было видѣть, ни слышать, хотя онъ стоялъ только въ четырехъ кабельтовыхъ отъ фрегата!

13-го по полудни потащило съ трехъ якорей корветъ Пиладъ. Онъ бросилъ еще два запасные якоря: но въ 8 часовъ вечера и онъ не миновалъ участи своей, ударившись кормою объ мель. Сняли руль съ петель, чтобъ его не вышибло; корветъ било обо дно, вода стала прибывать, и дошла до двухъ футъ, но команда, кинувшись дружно къ помпамъ, выкачала ее. Къ 9-ти часамъ утра (14-го Января) корветъ стоялъ на мели всѣмъ килемъ, врѣзавшись кормою на 7, а носомъ на 3 фута въ грунтъ. Только 15-го числа, при помощи жителей, команда свезена была на берегъ; 7 офицеровъ и 42 нижнихъ чина отправлены въ госпиталь съ ознобами. Капитанъ Юрковскій хвалилъ и благодарилъ команду, за послушаніе, терпѣніе и стойкость ея.

Шкуна Смѣлая стояла на своемъ мѣстѣ, на бриделѣ, и хотя бѣдствовала отчаянно, однакоже съ помощію Божіею, при распорядительности командира, Лейтенанта Колчина, забот-

ливости офицеровъ и непомѣрныхъ усиліяхъ вѣрной команды, спаслась. Двои сутки сряду всѣ были въ авральной работѣ, всѣ вооружились топорами, тесаками, абордажнымъ ручнымъ орудіемъ всякаго рода и неотступно обивали ледъ, которымъ бѣдное судно обросло кругомъ будто навожденіемъ какимъ, и все погружалось глубже въ бездну. Для облегченія бросили оба якоря, хотѣли сбросить даже орудія—но они обмерзли горою льда и не было возможности ихъ высвободить? Рано утромъ 14-го числа командиръ увидѣлъ, что всего этого мало, что шкупа грузнетъ и должна затонуть. Но живой живое гадаетъ; не будь плохъ, не покинетъ и Богъ: сбросили въ море брифокъ-рей, отрубили утлегерь; шкуна вынырнула! Вся команда и всѣ офицеры бросились опять обрубать ледъ вокругъ, сваливая глыбы его въ море, и шкуна уцѣлѣла! Не будь у меня такихъ отличныхъ матросовъ, такой покорной и вѣрной команды—доносилъ послѣ командиръ—мы бы всѣ неминуемо погибли.

Осталась за нами быль о тендерѣ Струя: быль горестная, печальная, которую больно расказывать. 14-го Января, когда ободняло, увидѣли съ фрегата, что надъ мѣстомъ, гдѣ стоялъ бѣдный тендеръ, торчитъ только топъ

мачты его съ салингомъ: это былъ крестъ надъ могилою 52 человѣкъ, заживо погребенныхъ. Командиръ, Лейтенантъ Леоновъ, Мичманы Обезьяновъ и Ковалевскій, штурманъ Скосыревъ, 4 унтера, 37 рядовыхъ и 7 нестроевыхъ—всѣхъ смерть сравняла, черезъ всѣхъ перекатывалась таже волна, покачивая общій гробъ ихъ, съ наклоненнымъ на бокъ крестомъ.

Флагманскій фрегатъ отстоялся благополучно. И такъ, изъ семи судовъ, стоявшихъ на рейдѣ, одно затонуло отъ намерзшаго льда, четыре выкинуто на берегъ, а два только выстояли на якоряхъ. Впослѣдствіи всѣ сняты съ мели, кромѣ брига Паламедъ, который разбило о каменья.

Тендеръ Струя, который, по растаяніи льду, потонулъ вовсе и сѣлъ на дно на глубинѣ 38 футовъ—тендеръ былъ поднятъ уже въ Августѣ. Трупъ командира узнали по карманнымъ часамъ его, которые остановились на $10\frac{1}{2}$ часахъ. Вѣроятно не за долго до этого времени—утра или вечера?—тендеръ затонулъ. И тендеръ, какъ прочіе снятые съ мели суда, отправлены были для починки въ Севастополь.

КИТЪ.

А правда ли, что китъ-рыба плескомъ своимъ топитъ судно. Правда, потому что это

дѣло бывалое—но случается очень рѣдко: было этому, за память человѣческую, всего едвали съ пятокъ примѣровъ.

Китъ не рыба, потому что дышетъ не жабрами — которыхъ у него нѣтъ, а дышетъ и пускаетъ паръ верхними ноздрями или *дыхалами*; эти два дыхала, кругловатыя диры, у него на лбу. Китъ не рыба и потому, что рожаетъ дѣтенышей и кормитъ ихъ молокомъ. Вѣдь и моржъ и тюлень въ водѣ живутъ, да не рыбой же ихъ звать за это.

Китъ бываетъ длиной саженъ двадцати и побольше. Его бьютъ китоловы, для китоваго уса, который у него вмѣсто зубовъ и десенъ, да еще болѣе для ворвани. А бьютъ его съ лодки, либо прямо съ судна, острогой броскóмъ, въ кидку; острога эта на длинной бичевкѣ, которая крѣпится за банку шлюпки; раненый китъ нырнувъ таскаетъ за собою шлюпку, а какъ придетъ ему время перевести духъ, то опять выплываетъ на верхъ; тогда стерегутъ его и подъѣхавъ на греблѣ опять всаживаютъ другую острогу. Измучивъ его такимъ образомъ, ждутъ чтобы онъ изошелъ кровью, а потомъ тутъ же въ морѣ пазятъ и пластаютъ и жиръ укладываютъ въ бочки.

что китъ, нырнувъ, опрокидываетъ шлюпку, или даже взмахомъ плеска вскидываетъ ее къ верху, это также изрѣдка случалось; а хотя ежегодно изъ разныхъ Государствъ выходитъ не одна сотня китобойныхъ судовъ, но чтобы китъ разбивалъ парусное судно, этому, какъ мы сказали, примѣровъ не много.

Лѣтъ тому 30 Англійскій китобой Эссексъ увидалъ большаго кита, который нырнулъ и, показавшись опять близь судна, пустился на него стрѣлой: онъ ударилъ головой въ носъ судна, такъ что сбилъ съ ногъ весь экипажъ, и проползъ подъ килемъ, отчего судно дрожало во всѣхъ составахъ. Китъ показался съ другой стороны, опять нырнулъ и исчезъ. Но сильная течь показалась; бросились къ насосамъ; чудовище снова появилось, взбивая вкругъ себя волну и пѣну и щелкая огромною пастью; не успѣли опомниться на Эссексѣ, какъ китъ вторично ударился головою объ носъ судна, которое и начало тотчасъ же тонуть. Экипажъ едва только успѣлъ броситься въ гребныя суда, изъ коихъ одно только спаслось отъ гибели, встрѣтивъ, послѣ страшныхъ бѣдствій и голода, купецкое судно; остальныя шлюпки пропали безъ вѣсти.

Въ 1848 году Перувіанскій купецкій бригъ, находясь въ Тихомъ Океанѣ почти подъ экваторомъ, дрогнулъ такъ, будто набѣжалъ на мель; капитанъ Спливоло и команда переполошились, но вскорѣ увидѣли, что они на глубинѣ бездонной и что толчкомъ этимъ угостилъ ихъ поплывшій въ сторону китъ. Онъ играя пускалъ двойнымъ фонтаномъ пѣну изъ дыхалъ, будто ни въ чемъ не провинился. Но шутка эта обошлась дорого капитану Спливоло и командѣ: бригъ былъ проломленъ и течи ничѣмъ нельзя было удержать. Пробившись безъ малаго сутки, экипажъ покинулъ затопающее судно и спасся на гребныхъ судахъ. Цѣлую недѣлю они бѣдствовали въ открытомъ морѣ, но наконецъ всѣ въ цѣлости прибыли въ портъ. Можетъ статься, впрочемъ, въ этомъ случаѣ китъ и не думалъ обижать плавателей, а сами они на грѣхъ натолкнулись: можетъ-статься онъ дремалъ, а бригъ прозѣвалъ его и самъ на него натолкнулся.

Китобойный бригъ Александра, въ Августѣ 1851 года встрѣтилъ большаго кита, въ Тихомъ Океанѣ, также не вдалекѣ отъ экватора, и выслалъ противъ него лодки свои, съ народомъ и снарядами. Первая шлюпка подошла къ нему: забойщикъ, стоя на носу шлюпки, пус-

тилъ броскомъ острогу; китъ, не говоря худаго слова, оборотился къ своему непріятелю, разинулъ трехсаженную пасть и, захвативъ ею всю носовую часть шлюпки, раздавилъ какъ орѣшекъ. Ловцы бросились въ море и были подобраны тотчасъ другою лодкою. Подумавъ, они рѣшились подойти къ чудищу въ другой разъ; много били они на вѣку своемъ китовъ, но никогда съ ними не случалось того, что нынѣ. Подошли, пустили острогу—и сердитый звѣрь приговорилъ ихъ къ такому же наказанію, какъ первыхъ: и эту лодку онъ также раздавилъ, а люди насилу спаслись въ третью. Между тѣмъ бригъ Александра подошелъ, капитанъ, не разсудивъ болѣе отдавать киту шлюпки свои на закуску, но не жалая также упустить хорошей добычи, придержался поближе къ киту и приказалъ пустить въ него острогу прямо съ брига. Дважды китъ прошелъ мимо брига, но не довольно близко, а притомъ капитанъ хотѣлъ повыждать, чтобы дать раненому звѣрю уходиться; въ третій разъ онъ подвернулся довольно ловко, острога пущена и глубоко вошла въ толщу жирнаго тѣла. Но звѣрь въ ту же минуту оборотился, нырнулъ—и бригъ дрогнулъ всѣмъ составомъ, будто набѣжалъ на камень. Вода съ шумомъ полилась въ трюмъ,

въ большой подводный проломъ. Нельзя было и подумать о задѣлкѣ; девять человѣкъ и десятый Капитанъ, составлявшіе весь экипажъ брига, едва успѣли кинуться въ послѣднюю шлюпку свою, не взявъ даже ни сухарей, ни воды. Бригъ пошелъ ко дну. На счастье бѣдняковъ, китъ смиловался надъ ними и оставилъ ихъ въ покоѣ; еслибы онъ перекусилъ и эту, послѣднюю лодку, тогда какъ уже весь бригъ пошелъ ко дну и на всемъ видимомъ протяженіи моря не было видно ни былинки, то конечно ловцы наши погибли бы поголовно. Они носились трои сутки по океану, когда наконецъ встрѣтили Американское судно, которое приняло и отвезло ихъ въ ближайшій портъ.

Китъ самое огромное животное на морѣ и на сушѣ. При длинѣ его въ 18 и 20 сажень, онъ въ обхватѣ будетъ болѣе десяти саженъ, а вѣсомъ супротивъ двухъ сотъ быковъ. Онъ рожаетъ по одному, много по два китенка; сосцы у него спереди, на груди, и онъ поворачивается бокомъ, когда ими кормитъ. Кожа на немъ почти черная, гладкая, безъ шерсти и безъ чешуи. Головища занимаетъ чуть не треть всего туловища; въ открытую пасть его могла бы войти на веслахъ любая шестерка, съ народомъ. Супротивъ груди у него гребки или ласты, по

одному на сторонѣ, длиною въ сажень или болѣе: плескъ раздвоенный, на двѣ половины, лежитъ не на ребро какъ у рыбы, а плашмя; каждая половина его растянулась сажени на полторы. Глаза у него небольшіе, мало чѣмъ больше коровьихъ; вмѣсто ноздрей дыхала, на лбу или на темени; по этому китъ, задремавъ на водѣ и опустивъ рыло въ воду, дышетъ свободно. Какъ у насъ зимой отъ духу валитъ паръ, такъ и китъ почти безпрестанно въ оба дыхала пускаетъ двумя снопами воду, паръ и пѣну; по этому китъ и примѣтенъ издалека. Пасть у него съ избу, а глотка и вся съ кишку пожарной трубы! Глядя на это, поневолѣ скажешь: охота смертная, да участь горькая. Чудищу этому ничего не проглотить, кромѣ молявки да разныхъ морскихъ червячковъ и слизняковъ. Зубовъ нѣтъ у него; а вмѣсто того поставлены частоколомъ мохнатыя пластинки, называемыя *усомъ*. Вотъ богатырь нашъ захватитъ пастью что Богъ пошлетъ, процѣдитъ воду сквозь мохнатаго частокола, а что завязнетъ подъ заборомъ, то ему и пожива. Голосу у него нѣтъ, онъ нѣмъ, какъ рыба, но грозно шумитъ, выгоняя пѣну въ дыхала.

Когда китоловъ увидитъ съ марсу кита, то подходитъ къ нему и спустивъ двѣ, три шлюп-

ки, съ гребцами и забойщиками; отправляетъ ихъ на звѣря. Очередная шлюпка подходитъ первая и забойщикъ, стоя на носу, пускаетъ въ кита острогу шагахъ въ осьми, не далѣе, чтобы она глубже впилась въ мясо. Острога эта привязана къ линю, который сложенъ въ шлюпкѣ чистой бухтой, чтобы могъ высучиваться свободно. Шлюпка держится въ это время съ большою осторожностію на веслахъ, съ боку кита, чтобы не попасть ему подъ плескъ, и въ ту минуту какъ забойщикъ пуститъ изъ рукъ острогу, ударивъ во всѣ весла, отгребаетъ прочь. Раненый звѣрь ныряетъ и быстро идетъ на побѣгъ: на всѣхъ шлюпкахъ и на суднѣ подымается страшный крикъ ура! На забойной лодкѣ одинъ смотритъ за чистотой бухты, изъ которой китъ сучитъ линь, такъ что бортъ дымится, а гребцы гребутъ во всѣ весла вслѣдъ за бѣглецомъ. Иногда выпускаютъ 200, или 300 сажень линя; бѣда, коли онъ ляжетъ на бортъ, съ боку шлюпки: тогда ее опрокидываетъ. Раненый китъ бѣжитъ подъ водой со скоростію 8-ми или 9-ти узловъ. Бѣда также, коли въ бухту лопаря попадетъ человѣкъ: Англійскій китобой Скоресби, побѣдившій на вѣку своемъ 332 кита, расказываетъ два случая: одному забойщику оторвало руку, другаго во-

все высучило за бортъ и хотя линь тотчасъ обрубили, но никто болѣе бѣдняка этого не видалъ.

Пробитый острогою китъ, нырнувъ, остается отъ четверти до получаса на глубинѣ: долѣе ему терпѣть нельзя и онъ всплываетъ чтобы перевести духъ. Тутъ-то его стерегутъ со всѣхъ шлюпокъ, ударивъ въ весла, подходятъ вплоть и со всѣхъ сторонъ всаживаютъ броскомъ по вольной острогѣ, безъ лопаря. Звѣрь ныряетъ въ другой разъ, но ослабѣвъ, выходитъ уже скорѣе и пускаетъ дыхалами, вмѣстѣ съ пѣною, кровь. Съ крикомъ ура! лодки опять подходятъ и принимаютъ чудовище на копья или рогатины; дыхалами подымается снопомъ почти одна кровь, которою заливается и окрашивается море во всей окружности; издыхая, богатырь хлещетъ плескомъ своимъ по водѣ, взбивая волны—и оборачивается бокомъ; громкое ура ловцовъ провожаетъ послѣдній вздохъ его.

Вся охота эта за китомъ иногда оканчивается въ часъ, два или три, а иногда и въ сутки не справятся съ нимъ; а бываетъ и то что онъ вовсе уходитъ, съ острогами, и уноситъ сажень двѣсти линя.

Убитаго кита буксируютъ къ судну, придерживаютъ и поворачиваютъ какъ нужно талями

и оттяжками, а рабочіе ходятъ по немъ въ сапогахъ съ желѣзными шипами, какъ у насъ по льду на базлукахъ. Съ одного звѣря набираютъ сала, на ворвань, бочекъ 30; мясо его негодится, но его ѣдятъ Гренландцы, Чукчи и Колоши. Для полнаго груза ворвани на порядочное судно, требуется до десяти китовъ, но такой богатый уловъ рѣдко кому достается на долю.

Говорятъ, что дикари въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ходятъ на кита въ одиночку и справляются съ нимъ такимъ образомъ: когда китъ подплываетъ близко къ берегу, то дикарь кидается за нимъ вплавь, припася два деревянные кола и долбню или колотушку. Онъ подплываетъ къ киту, осторожно взбирается на него и подошедши къ головѣ вдругъ затыкаетъ коломъ и заколачиваетъ одно дыхало. Китъ тотчасъ ныряетъ, но вскорѣ выходитъ опять на верхъ: дикарь поджидаетъ его, въ лодкѣ или вплавь, опять взбирается на него и заколачиваетъ ему послѣднее дыхало: черезъ полчаса не съ большимъ китъ задыхается и его буксируютъ къ берегу.

———